

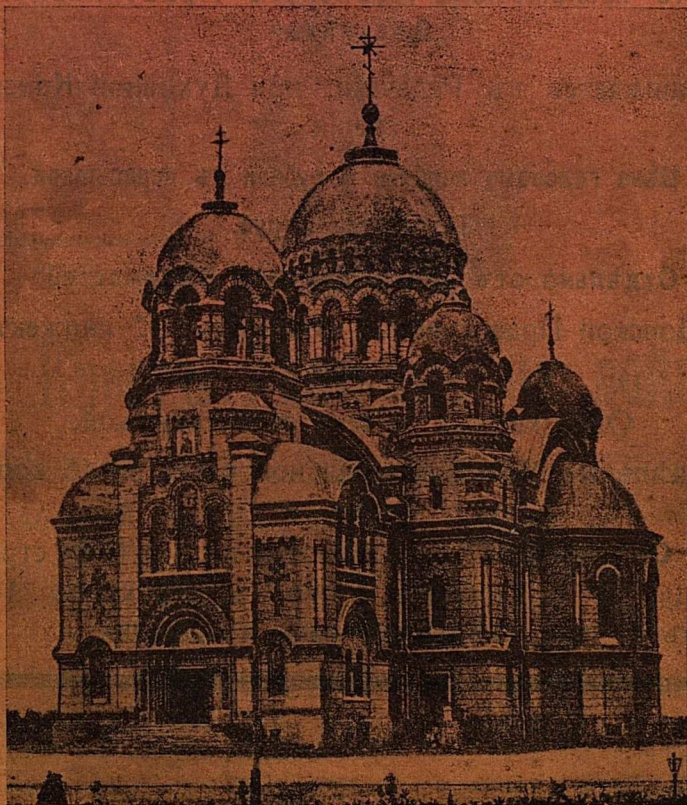
111 2
Бесплатное приложение къ „Донскимъ Епархіальнымъ
Вѣдомостямъ“.

ДОНСКОЙ Православный Вѣстникъ.

Май 1916.

№ 5.

ПОДПИСКА

на „Донскія Епархіальныя Вѣдомости“

(еженедѣльное изданіе) съ ежемѣсячнымъ бесплатнымъ приложеніемъ „Донского Православнаго Вѣстника“

принимается въ Редакціи, при Духовной Консistorіи.

Цѣна годовому изданію 6 рублей съ пересылкой.

За полгода 3 руб.

Отдѣльно отъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“

„Донской Православный Вѣстникъ“ 12 книжекъ
4 руб.

Одна книжка 40 коп. съ пересылкой.

Отдѣльные №№ официальной части по 15 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются по 5 руб. за страницу, за $\frac{1}{2}$ страницы 3 руб., за строку въ 1-й разъ 30 коп., слѣдующіе разы по 20 коп.

ДОНСКОЙ Православный Вѣстникъ.

Май 1916 г.

№ 5.

Крестъ Христовъ на войнѣ.

(Значеніе Вѣры Христовой и церкви Православной въ настоящую годину испытанія).

(Окончаніе).

Параллельно развитію зла и лжи на землѣ война явила намъ и подлинный ликъ Христовъ, знаменіе Его Креста на челѣ и въ сердцѣ русскаго воинства, силу вѣры Христовой и Церкви Православной въ родной и союзныхъ странахъ. Рядомъ со всѣми этими жестокостями войны мы, русскіе, имѣемъ всѣ основанія быть благодарными благодарѣвшему намъ Богу, ибо

во-очію нашу совершаются такія проявленія самоотверженной любви къ ближнему, такая готовность жизнь свою положить за святѣни челоуѣческой души, что никакіе удушливые газы не въ силахъ затмитъ крестнаго знаменія милосердія, какимъ осіяна доблесть нашего русскаго православнаго народа во всѣхъ его сословіяхъ и даже женщинъ, изъ коихъ одна „Римма“ Иванова за свой геройскій подвигъ при атакѣ удостоена была по смерти ордена Св. Георгія *).

Когда то Достоевскій—истинный нашъ національный геній предсказалъ, что Россіи суждено явить міру высшую красоту христіанскаго духа въ смиреніи, терпѣніи, въ милосердіи и въ любви. Повидимому, мы живемъ во время исполненія этихъ вѣщихъ словъ поэта-пророка. Давно ли было то время, когда въ газетахъ принято было осуждать огульно наше офицерское сословіе, скорбѣть надъ косностью и дикостью нашего сѣраго мужика, вслухъ глумиться надъ духовными вождями и единственными воспитателями народа-богоносца? И вотъ война явила міру истинныхъ героевъ духа, богатырей подвига, сверхчелоуѣческихъ крестоносцевъ, готовыхъ на всякія жертвы за вѣру, Царя и родину. „Русскій народъ на войнѣ проявилъ и проявляетъ не только чудеса героизма, которыя даже врагъ ставитъ въ примѣръ своимъ воинамъ **), но и изумляющую міръ челоуѣчность. Тамъ, за чертой, культурный врагъ, ожесточенно занятый мыслью только объ истребленіи и прославившійся подвигами гнусности—здѣсь, у насъ, проявленія такихъ качествъ души среди нашихъ героевъ, какія заставляють насъ съ вѣрою, съ свѣтлою надеждой смотрѣть на будущее. Откуда, спрашивается, нашъ народъ беретъ свои удивительныя силы побѣждать эгоизмъ и достигать вершины святости? Какіе культуртрегеры подошли къ изголовью нашего крестьянина и научили его подвигамъ добра и красоты? Ихъ не было,—этихъ культуртрегеровъ. На протяженіи тысячелѣтія около нашего большого младенца былъ лишь одинъ культурный носитель, учившій его терпѣть и любить и имя этому учителю—Церковь Православная. Это она, благодатная школа мужества во имя

*) См. статью въ № 2 1916 г. „Русская Мысль“ „Женщины и дѣти на войнѣ“, Никольскаго, гдѣ указаны Примѣры истиннаго героизма на войнѣ среди женщинъ и дѣтей (особ. гл. II).

**) Вспомните Приказъ Кронпринца войскамъ, осаждающимъ Верденъ. „вы должны взять крѣпость, если рускіе при 25^о морозѣ взяли Эрзерумъ“!

Христа и любви къ подвигу, непрерывно молитвою и примѣромъ русскихъ святыхъ воспитывала въ душѣ народа сѣмена вѣры и любви, давшія и нынѣ въ годину испытаній, какъ и раньше, пышный расцвѣтъ. Православіе и Россія—понятія нераздѣлимые и тотъ же Достоевскій оставилъ русской интеллигенціи, оторвавшейся отъ Церкви, завѣтъ „не удалять отъ народа Христа, не лишать его лучшаго драгоцѣннаго сокровища души“. Православіе не погибнетъ отъ того, что нѣскольکو тысячъ душъ оторвется отъ него, какъ дерево не теряетъ въ красотѣ, когда лишается нѣсколькихъ сухихъ вѣтвей, но, несомнѣнно, Россія безъ Православія, русскій народъ, потерявъ свою вѣру, померкнетъ. До тѣхъ же поръ пока русскій народъ не отойдетъ отъ Православія, онъ останется цѣль, невредимъ, непобѣдимъ; тысячи чужеядныхъ сектъ рационалистически-нѣмецкихъ и мистически-темныхъ будутъ стремиться подточить его корень, но онъ все же будетъ жить и подъ знаменемъ Креста, усвоивъ и претворяя въ свою плоть и духъ плоды здоровой культуры, будетъ идти неуклонно къ великимъ достиженіямъ, къ вершинамъ человѣческой красоты, знанія подвиговъ въ мирѣ и на войнѣ. Народъ будетъ и долженъ быть великъ, ибо могучъ, и сила его—Крестъ Христовъ, запечатлѣвшійся въ душѣ и сердцѣ, въ умѣ и волѣ его. Мы помнимъ и дѣти наши запомнятъ, какъ принялъ русскій народъ царское слово о войнѣ. Глубоко вѣря своему Царю, миролюбіе котораго извѣстно всему міру по призыву къ сокращенію вооруженій, народъ, привыкшій вѣками думать одну думу съ Царемъ, спокойно и твердо выступилъ на поле брани. Къ нѣмцамъ онъ никогда не питалъ враждебныхъ чувствъ, но и полтораста лѣтъ мирнаго сожительства съ Германіей не усыпили его природной осторожности и нашъ народъ, какъ это и страннымъ покажется, безъ всякихъ дипломатическихъ предупрежденій зналъ, что рано или поздно ему придется имѣть военное дѣло съ нѣмцами, о которыхъ народный герой Скобелевъ, думавшій заодно съ народомъ, сказалъ: „главный нашъ и самый опасный врагъ—нѣмецъ“.

Не ропотомъ и сомнѣніемъ, не самохвальствомъ или дешевымъ шовенизмомъ встрѣтилъ русскій народъ манифестъ о войнѣ. У всѣхъ въ глазахъ и голосѣ было одно убѣжденіе, что разъ Царь принялъ брошенный намъ дерзкій вызовъ, значитъ, такъ и надо, остается не разсуждать и выполнять свой

гражданскій долгъ, какъ крестъ, ниспосылаемый Богомъ, какъ обязанность передъ Богомъ и Царемъ, родиной и исторіей. Здѣсь, въ этомъ эпическомъ спокойствіи, въ первые же дни войны, сказалась вся нравственная выдержка воспитаннаго Церковью въ духъ Христова ученія народа-богоносца, исходящаго изъ сознанія своей внутренней правоты и жажды подвига во имя защиты младшаго брата—серба. Собралась Государственная Дума и подъ вліяніемъ охватившаго народъ единогодушнаго рѣшенія воевать до полной побѣды вынесла единогласное и горячее одобреніе Правительству, исчерпавшему всѣ мѣры мирнаго разрѣшенія конфликта. Правильно говорятъ, что здѣсь Вильгельму нанесено было первое и серьезнѣйшее пораженіе. Погибла его надежда на внутренние раздоры и настроеніе въ Россіи: страна показала себя достойной важности момента. „Съ крестомъ въ груди, съ оружіемъ въ рукахъ“ на помощь слабому, на защиту святынь родины поднялся народъ-богатырь и кто устоитъ противъ него? „Да, поистинѣ, высока славянская душа русскаго народа. Всегда и вездѣ она была благородна и богоносна, а потому и побѣдоносна“. (Слова Е. А. Вороновой изъ брошюры „Душа русскаго воина“).

„Поднялась земля“. Идутъ наши запасные. Да, весь народъ вся земля, въ этихъ спокойныхъ витязяхъ. Идетъ народъ, весь народъ, съ своими безмолвными упованіями, съ простой готовностью, съ несокрушимою вѣрою въ то, что, если не онъ, то тотъ, кого онъ чувствуетъ локтемъ, побѣдитъ наглаго врага... Смотришь, и невольно слезы застилаютъ глаза. Шепчешь молитву за этихъ ратниковъ, благословляешь ихъ великую жертву и невольно въ тихихъ глазахъ изъ-подъ старыхъ папахъ стараешься прочесть разгадку завтрашней побѣды“ (Немировичъ-Данченко). Это писалось въ началѣ войны. 20 мѣсяцевъ небывалой въ лѣтописяхъ міра войны, съ ея необъятно длинными фронтами, мѣсячными боями, сверхгеройскими штурмами при 25 градусныхъ морозахъ съ упорнымъ отстаиваньемъ каждой пяди земли при недостаткѣ снарядовъ оправдали самыя смѣлыя надежды на русскаго воина. „Сейчасъ пойдутъ въ атаку. Мгновеніе молитва: Господи! Но это только мгновеніе, молитва извѣстнаго душевнаго переживанія, когда они осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ. Идутъ въ атаку „святые“ (Р. Сл. 20 іюня 1915 года). А вотъ идеологія нашихъ воиновъ: „коли тебѣ суждено принять смерть мученическую,

всѣ грѣхи тебѣ отпустятся. А коли уцѣлѣешь, Царь-Батюшка тебѣ спасибо скажетъ“. Намъ привелъ Богъ видѣть, какъ принимаютъ раненые солдаты въ лазаретѣ царское спасибо за службу! Глубоко увѣрены, что эта минута не изгладится изъ памяти того, кому Богъ привелъ пережить ее. Но русскій солдатъ и умираетъ съ той же вѣрой въ Бога, съ тѣмъ же чувствомъ исполненнаго долга. Возлѣ убитаго унтеръ-офицера Петра Жердяева полковой священникъ нашелъ записную книжку, гдѣ было написано: „Спаситель мой! Ты положилъ душу Свою за насъ, чтобы спасти насъ и завѣщалъ намъ полагать душу свою за друзей и близкихъ намъ. Радостно иду исполнить Твою святую волю“. Слышите, иду исполнить! Онъ уже исполнилъ ее до конца, до смерти и дай, Боже, услышать ему радостный призывъ Господа: „приди, благословенный Отца Моего, наслѣдуй уготованное тебѣ Царство!“. А тѣ четверо военно-плѣнныхъ, которые разстрѣляны въ упоръ австрійскими кадетами, а никому до войны неизвѣстный, нынѣ ставшій народнымъ мученикомъ Стефанъ Веремчукъ, пріавшій лютую казнь отъ мадьяръ и многіе другіе, извѣстные Богу герои долга, они также исполнили свой долгъ.

Условіями воспитанія юношества я поставленъ въ близкія отношенія къ сотнямъ русскихъ казачьихъ офицеровъ, моихъ питомцевъ, нынѣ защитниковъ вѣры и родины. Благодарю Бога, давшаго мнѣ силы послужить ихъ воспитанію въ вѣрѣ и любви, утѣшаюсь добрыми вѣстями, коими они обильно радуютъ меня въ письмахъ, испрашивая благословенія на новые подвиги; молюсь, какъ умѣю, о ихъ здравіи и благополучіи, дѣлюсь съ ихъ младшими братьями добрыми вѣстями съ войны, горячо молюсь объ упокоеніи уже совершившихъ свой крестный кровавый подвигъ. Хочется сказать имъ всѣмъ, дорогимъ нашимъ воинамъ:—„Дерзайте, братья, стойте въ вѣрѣ, мужайтесь и укрѣпляйтесь“. Крестъ Христовъ да будетъ Вамъ защитой и огражденіемъ, знаменемъ побѣды и одолѣнія надъ врагомъ, забывшимъ Бога и поправшимъ завѣты Христа!

Намъ грустно было прочитать въ одномъ серьезномъ журналѣ разсужденіе о томъ, что на войнѣ религія не проявляется особенно замѣтно („Р. Мысль“ 1915 г.). Это разсужденіе совершенно не согласуется ни съ нашими наблюденіями надъ случайными встрѣчами съ людьми съ фронта, ни съ болѣе вдумчивыми сообщеніями съ театра войны. Я увѣренъ, что

многіе помнятъ очерки депутата Г. Д. отца Околовича, въ свое время напечатанные въ „Новомъ Времени“ подъ общимъ заглавіемъ „Крестъ на войнѣ“. Очерки эти перепечатаны на обложкахъ „Нивы“ за 1915 г. (№№ 2, 41 и 42) „Религіозный подъемъ въ средѣ войскъ, ярко вспыхнувшій въ началѣ войны, не ослабѣлъ. Мнѣ кажется, что онъ сталъ еще глубже и потому спокойнѣе въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ; онъ сталъ привычнымъ для постоянного наблюдателя, но сила его очень велика. Священникъ въ арміи сейчасъ крайне необходимъ и къ нему устремляются всѣ, и раненые послѣ боя и здоровые передъ боемъ. Тамъ, гдѣ идетъ постоянная борьба жизни съ смерью, больше молятся, чаще вспоминаютъ о Богѣ и, конечно, зовутъ священника. „Съ позиціи привезли тяжело раненаго въ бокъ солдата. Мнѣ сказали, что надо спѣшить, такъ какъ онъ уже безъ сознанія и съ минуты на минуту можетъ умереть. Въ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ и со Св. Дарами я подошелъ къ умирающему; но объ исповѣди и причастіи нельзя было думать, и я сталъ читать отходную. Вдругъ раненый открылъ глаза, мутный взоръ прояснился; съ усиліемъ, словно припоминая что-то, онъ сталъ всматриваться въ меня и вскрикнулъ: „Землячокъ, дорогой мой... Нѣтъ... не то... Батюшка... родной... Ты спасти меня пришелъ“.

Раненый началъ дѣлать какія-то усилія, сталъ приподниматься, неожиданно для всѣхъ сѣлъ, широко перекрестился и потянулся ко кресту, повторяя все тѣ же слова: „Ты спасти пришелъ“...

Стоявшая рядомъ со мной сестра милосердія неудержимо зарыдала, ее вынесли въ другое помѣщеніе; къ больному подошла другая сестра.

Короткая исповѣдь, затѣмъ причащеніе Св. Таинъ. Раненый съ тяжелымъ усиліемъ, но твердой рукой крестится, говоритъ: „Слава Богу, теперь хорошо“, откидывается на подушку и впадаетъ въ забытье.

„Конецъ“,—мелькнуло у меня въ головѣ. Я осѣнилъ его крестомъ и отошелъ къ другимъ больнымъ. Черезъ нѣкоторое время справляюсь: раненый живъ, но глубоко спитъ. Всю ночь и сестры, и я подходили къ этому раненому, но онъ оставался въ томъ же положеніи не то глубокаго сна, не то болѣзненнаго забытья. Утромъ я первымъ дѣломъ пошелъ къ нему. Онъ

встрѣтилъ меня ласковымъ взоромъ и привѣтствіемъ: „здравствуйте“.

— Развѣ ты меня узналъ?

— Какъ же? Вы, батюшка, меня вчера приобщали, и мнѣ теперь хорошо.

Раненый настолько чувствовалъ себя бодро, что, сидя, пилъ чай и нѣсколько минутъ разговаривалъ съ нами. Разговоръ мы прекратили сами, чтобы не утомлять его. Жалѣю, что мнѣ неизвѣстна дальнѣйшая судьба этого раненаго, который оставленъ, какъ тяжелый въ одномъ изъ лазаретовъ.

Сколько случаевъ, когда невѣрующіе или слабо вѣрующіе подъ вліяніемъ военныхъ впечатлѣній и добраго отношенія пастыря, возвращались къ потерянной вѣрѣ и счастью. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ:

Священникъ подходитъ къ раненому офицеру.

— Батюшка, я атеистъ и въ Бога не вѣрую, но побесѣдовать съ вами хочу...

Черезъ три дня этотъ офицеръ, „три года уже не бывший въ церкви и у св. причастія,“ исповѣдывался такъ какъ дай Богъ всякому истинному христіанину приобщиться Св. Таинъ, и теперь продолжаетъ переписываться со мной. Его письма дышатъ глубокою вѣрою. Наибольшею его скорбью было то, что онъ ушелъ на войну, отказавшись принять благословеніе у матери, и онъ ей не писалъ даже о томъ, что тяжело раненъ.

— Если Богъ спасетъ меня, и я выздоровѣю, то тогда батюшка, замолю грѣхъ и передъ Богомъ, и передъ материнскимъ сердцемъ.

Повидимому, война—неблагопріятное время для сѣянія Слова Божія. Оказывается, наоборотъ. Обстановка постоянной опасности чутко настраиваетъ душу на воспріятіе звуковъ и молитвъ, и вотъ какая картина, напримѣръ, рисуется въ названной статьѣ: „Въ варшавскомъ лазаретѣ“.

„Я думалъ“, говоритъ тотъ же авторъ: „что въ санитарномъ поѣздѣ у меня будетъ мало работы, но съ перваго же момента, когда я попалъ къ раненымъ, у меня сплошь занято все время: не только весь день, но часто и ночи напролетъ.“

Раненые, не только солдаты, но и офицеры, настойчиво просят благословить ихъ, жадно прислушиваются къ религіозной бесѣдѣ, нарасхватъ берутъ у меня книги и брошюрки религіознаго содержанія. Я захватилъ съ собою маленькую библіотеку и едва въ состояніи удовлетворять спросъ на религіозно-нравственныя книги. Житія святыхъ, сказанія изъ церковной исторіи, особенно первыхъ вѣковъ христіанства, а также связанныя съ историческими обстоятельствами государственной жизни Россіи, перечитываются всѣми. Отъ офицеровъ я слышалъ много разъ выраженія благодарности за эти книжки, которыя я предлагалъ имъ не безъ нѣкоторой робости.

— Мы со многимъ познакомились впервые и страшно вамъ благодарны за то, что узнали“.

Справедливость обязываетъ насъ въ заключеніе нашей бесѣды сказать нѣсколько словъ о духовныхъ руководителяхъ нашей арміи, изъ которыхъ многіе уже отошли къ Господу, въ вѣнцѣ героевъ-мучениковъ, другіе томятся въ плѣну и раздѣляютъ съ своими духовными дѣтьми всѣ тягости горькой жизни, а живые и нераненые пастыри продолжаютъ свой крестный подвигъ во славу русскаго пастырства. Помните это краткое, но краснорѣчивое сообщеніе Штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 28 января сего года: „Юго-восточнѣе Залещиковъ запечатлѣлъ смертію свой пастырскій долгъ священникъ Александръ Язловецкій, лично, съ крестомъ въ рукахъ подбиравшій убитыхъ и раненыхъ у проволочныхъ загражденій противника“. Не правда ли геройская смерть добраго пастыря, раздѣлившаго съ паствою и трудъ, и опасность. и смерть.

Всѣмъ, вѣроятно, памятно описаніе въ газетахъ подвига іеромонаха Пантелеймона, подъ свистъ шрапнелей отпѣвавшаго павшихъ въ бою. „Солдаты укрылись каждый за свое дерево. Одинъ монахъ какъ стоялъ на открытомъ мѣстѣ у могилы, такъ и остался. Вперилъ глаза въ нависшее снѣжное небо и старческимъ теноркомъ не столько пѣлъ, сколько говорилъ: „Плачу и рыдаю“. А впереди кладбища не смолкали ружья, такалъ пулеметъ, и опять пальба, пальба“. Подъ градомъ пуль монахъ прошелъ по открытому полю къ окопамъ и вошелъ въ окопы. Солдаты тянулись къ кресту, а монахъ властно твердилъ: „Сидите, сидите. Невысовывайте головы.

Берегите себя, я наклонюсь къ Вамъ. Всѣ мы, вся Россія черезъ меня кланяется Вамъ. Крѣпитесь, голубчики. Терпите, милые. Храни Васъ Богъ“. Монахъ часа два ходилъ въ виду у нѣмцевъ, ни одна пуля не тронула его, а обычно нельзя было высунуться („Р. Слово“. Статья Г. Петрова).

И это дѣлаетъ простой іеромонахъ, скромный въ величїи, великій въ смиренїи! Какъ не проникнуться духомъ героїства воинамъ при видѣ такого безстрашнаго подвига пастыря во имя Христа?

Епископы Трифонъ и Дїонисїй Кременецкїй, маститые протоіереи, молодые военные священники, всѣ, какъ одинъ, совершаютъ свой подвигъ, увлекаая своимъ примѣромъ солдатъ къ подвигу, замѣняя иногда командировъ, рискуя своею жизнью во имя спасенїя ближнихъ. Донская Епархїя не осталась безучаственною къ этому общему подвигу, выставивъ изъ своей среды двухъ доблестныхъ пастырей отца Филиппа (Горбаневскаго) и о. Николая (Сысоева), какъ героев—погибшихъ при исполненїи служебнаго долга. Вся Россія въ свое время, по призыву Св. Синода, помянула доблестнаго старца о. Антонїя, іеромонаха погибшаго въ неравномъ бою съ Гебеномъ „Прута“. Когда матросы спасались съ Прута, о Антонїй ободрялъ и благословлялъ ихъ. Затѣмъ спустился въ свою каюту. Матросы, спустившіеся за нимъ, застали его читающимъ Евангелїе. На ихъ слова: „Батюшка, пожалуйста въ шлюпку, мы васъ ждемъ“, о. Антонїй отвѣтилъ: „нѣтъ ужъ я пожилъ на свѣтѣ, а вы—молоды, спасайтесь сами. Богъ да поможетъ вамъ. Не хочу занять мѣсто кого-нибудь изъ васъ“. Когда шлюпка была готова отплыть, о. Антонїй опять поднялся на палубу, въ епитрахили, съ крестомъ и какою то книгой въ рукахъ и благословлялъ крестомъ спасающихся, а по книгѣ читаль... предполагаютъ: отходную... Матросы еще разъ пригласили его въ шлюпку, онъ опять отказался и запѣлъ „Спаси Господи“... Въ это время Прутъ, подорванный самимъ экипажемъ, чтобы не достаться Гебену, принялъ почти вертикальное положенїе. Команда подхватила пѣніе священника. Черезъ минуту „Прутъ“ погрузился въ морскую пучину, а съ нимъ и іеромонахъ Антонїй“.

Вѣчная память почившимъ о Господѣ отцамъ и братьямъ, многая лѣта живымъ.

„То было чудо Божьей силы,
Объединившей всѣ сердца,
За родину и за Царя—
Стоять готовыхъ до могилы.
Передъ врагомъ не похваляясь,
Съ мечомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ груди
Съ молитвой двинулись полки,
На силу Божью полагаясь.
И чуеь Русь въ своей молитвѣ,
Что Богъ на помощь ей придетъ:
Онъ силы нужны даетъ
Героямъ въ часъ ужасной битвы.
Его небесная любовь
Усилья ихъ благословляетъ,
Ихъ духъ и тѣло укрѣпляетъ
Могучей силой вновь и вновь.
И продолжаетъ Русь молиться:
„Святою силою Креста
Разрушь, о Боже, силу зла:
Пусть правда въ мѣрѣ воцарится.
Любовь въ добрѣ объедини,
Христа познають пусть народы
И въ души, темныя отъ злобы,
Пронкинеть свѣтлый лучъ любви“.

Протоіерей Т. Донецкій.

Отхошеніе христіанства къ радостямъ земной жизни*).

Въ современномъ русскомъ обществѣ сложилось весьма странное, но очень распространенное мнѣніе, что выполненіе требованій христіанской религіи, являясь само по себѣ весьма скучною обязанностью, въ то же время исключаетъ возможность для человѣка всякой доступной ему радости, всякаго наслажденія. Считая грѣхомъ всякое дѣйствіе, доставляющее удовольствіе, усматривая порочность почти въ каждомъ проявленіи чувства радости, христіанство тѣмъ самымъ изгоняетъ радость изъ жизни, налагаетъ мрачный трауръ на самые свѣтлые дни, обращая ихъ въ сѣрые скучные будни. Вслѣдствіе этого, пока человѣкъ молодъ, здоровъ, чувствуетъ избытокъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ, христіанство кажется несоотвѣтствующимъ его бодрому, жизнерадостному настроенію. При встрѣчѣ юноши, отличающагося религіозною настроенностью, обычно съ удивленіемъ замѣчаютъ: „Еще молодой человѣкъ, а какой набожный, словно старый“. Религія нужна только для пожилыхъ людей, а еще болѣе для старыхъ, которые въ свое время, не считаясь съ ея требованіями, испили до дна чашу земныхъ удовольствій, пресытились ими, а теперь ждуть неизбѣжнаго окончанія своего жизненнаго пути, то сожальѣя о безвозвратно минувшей бурно проведенной молодости, то вздыхая о своихъ юношескихъ поступкахъ, воспоминаніе о которыхъ тревожитъ старческую совѣсть. Молодость стремится къ радости, къ наслажденію: не для ней эта скучная религія съ ея суровыми предписаніями и строгими запрещеніями. „Когда будемъ старыми, говорятъ обычно юноши, тогда и въ церковь будемъ ходить, чтобы замаливать свои грѣхи, будемъ поститься, читать благочестивыя размышленія,

*) Публичное чтеніе 27 марта въ залѣ Областного Правленія.

житія святыхъ, а теперь, пока мы молоды, будемъ предаваться беззаботному веселью и радости. „Такимъ образомъ, происходитъ въ высшей степени грустное явленіе: чуткая, отзывчивая на все доброе и прекрасное, жаждущая свѣта и чистой радости душа юноши отвращается отъ христіанства, какъ чуждаго ея настроенію, отвращается отъ Самого Господа Спасителя... А между тѣмъ, только Господь есть истинный Источникъ свѣта, жизни и радости; только Онъ одинъ можетъ доставлять ничѣмъ неомрачаемую чистую радость, особенно дорогую и желанную для юной души, еще не загрязненной низостью лжи и пошлостью порока.

Не христіанство изгоняетъ радость изъ жизни, не оно придаетъ ей общій мрачный колоритъ: нѣтъ, потому-то въ нашей жизни и мало свѣтлыхъ, радостныхъ дней, мало чистой радости, что мы изгнали изъ ней христіанство, отгородились отъ него крѣпкой стѣной и лишь иногда съ неохотою, безъ всякаго сердечнаго порыва, исполняемъ нѣкоторыя требованія религіи, какъ бы уплачивая ей неприятную для насъ, но неизбѣжную подать. А при такомъ отношеніи къ христіанству, нельзя и ожидать отъ него свѣтлой, радостной жизни...

Но проникнитесь христіанскимъ сознаниемъ, дайте мѣсто Господу Спасителю въ своей охладѣвшей душѣ, въ своемъ очерствѣвшемъ сердцѣ—и всю вашу жизнь озаритъ яркій лучъ чистой свѣтлой радости, къ которой такъ жадно стремится душа, но которую напрасно ищетъ она вдали отъ Христа.

Вѣдь только Христось внесъ истинную радость на нашу грѣшную землю, въ убогую душу человѣка. Не смотря на всю пышность жизненной обстановки, на всю утонченную роскошь, языческой міръ стоналъ подъ тяжкимъ, непосильнымъ бременемъ пороковъ, которые всюду царили. Ужасъ смерти, за которой скрывалось неизвѣстное будущее,

сковывалъ душу. Лучшіе люди приходили въ отчаяніе, сознавая всю безпомощность человѣка въ его безотрадномъ существованіи на землѣ. Тяжкимъ воплемъ полного отчаянія звучалъ призывъ къ забвенію душевныхъ потребностей, къ насыщенію плоти: „Будемъ ѣсть и пить, потому что завтра умремъ“. И вдругъ, среди общаго мрачнаго отчаянія, надъ истомленной землей пронеслось тихое вѣяніе благодатнаго мира и отрады: раздалась небесная вѣсть, какую удостоились услышать бѣдные Вифлемскіе пастухи: „Я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всѣмъ людямъ, ибо нынѣ родился вамъ въ городъ Давидовомъ Спаситель, Который есть Христосъ Господь“ (Лук. 2, 10—11). И дѣйствительно, до той поры на землѣ не раздавалось болѣе радостной вѣсти: рожденіе Спасителя показало, что наша земля не заброшенная кѣмъ-то и забытая навсегда ничтожная песчинка въ необъятномъ міровомъ пространствѣ, а предметъ безконечной любви и отеческой заботливости всемогущаго Создателя и Царя вселенной, что самъ человѣкъ—не жалкая игрушка въ рукахъ слѣпой неумолимой судьбы, а великое Божье созданье, носящее въ себѣ безсмертный образъ своего Создателя, Который благоволилъ принять на Себя полную человѣческую природу.

А сколько радости принесъ людямъ воплотившійся на землѣ Сынъ Божій! Онъ утѣшалъ скорбящихъ, исцѣлялъ страждущихъ, возвращалъ къ жизни умершихъ, прощалъ грѣхи, успокоивалъ возмущенную совѣсть и вносилъ миръ въ мятушіяся человѣческія души. А когда Онъ, претерпѣвши отъ ненависти и злобы человѣческой страшный позоръ, крайнее униженіе, тяжкія страданія и мучительную смерть, воскресъ изъ мертвыхъ, то изъ Его пречистыхъ устъ раздался первый призывъ къ радости встрѣтившимъ Его женамъ мироносицамъ: „Радуйтесь“. „Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ предъ христіаниномъ открылся

неизсякаемый источникъ чистой и свѣтлой радости. Теперь грѣхъ утратилъ свою силу, свою прежнюю неограниченную власть надъ человѣкомъ: Господь подаетъ всеблагую помощь въ борьбѣ со грѣхомъ, прощаетъ грѣхи, т. е. вполнѣ изглаживаетъ ихъ изъ нашей души, какъ будто они никогда и не совершались, и тѣмъ вызываетъ полное успокоеніе нашей совѣсти. Смерть не страшна для христіанина: Господь явился побѣдителемъ смерти и ада. Своимъ воскресеніемъ Онъ указалъ намъ, что наша душа предназначена къ вѣчной жизни, что смерть не имѣетъ надъ нею власти. Томительная неизвѣстность загробной участи человѣка теперь раскрыта: смерть есть только переходъ къ лучшей жизни, возвращеніе къ утраченному человѣкомъ чрезъ грѣхъ блаженному состоянію. Отсюда происходитъ безмѣрная радость христіанина, радость о воскресшемъ изъ мертвыхъ Спасителѣ міра, радость души, предназначенной къ вѣчно блаженной жизни. А что можетъ быть выше, совершеннѣе этой радости! Никакая скорбь не можетъ ея омрачить, потому что всякая скорбь, какъ бы тяжка она ни была, только временна, преходяща, а эта радость безконечна.

Вся жизнь христіанина, полная благодатной силы, озаренная лучами Божественной любви и милосердія, должна протекать въ постоянномъ тѣсномъ единеніи съ Господомъ Спасителемъ. Это единеніе достигается чрезъ постоянное усовершенствованіе человѣка, чрезъ его стремленіе къ уподобленію святѣйшему и совершеннѣйшему Отцу Небесному. „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“ (Мѡ. 5, 48). Господь есть безгранично благой и безконечно любящій Отецъ всѣхъ людей, которые, какъ дѣти одного Отца, должны быть связаны между собою тѣсными узами взаимной любви, преданности и уваженія. Ни зависть, ни злоба, ни вражда не должны имѣть себѣ мѣста въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Если христіанинъ

живеть въ тѣсномъ единеніи съ своимъ Отцомъ Небеснымъ, въ сердечной любви съ своими братьями во Христѣ, то у него, какъ у преданнаго сына, живущаго въ родной семьѣ, подъ кровомъ горячо любящихъ родителей, среди любимыхъ и любящихъ братьевъ и сестеръ, только искренняя радость можетъ наполнять душу, проникать собою все существо. Здѣсь не мѣсто скорби, плачу и сѣтованію... Родительская любовь вызываетъ нѣжный откликъ себѣ въ юномъ сердцѣ дитяти и наполняетъ его душу великою радостью. Озаренное этою чистою радостью любви, дитя смотритъ на всѣхъ окружающихъ, на весь міръ Божій съ такою же любовью, съ такою же радостью, какія вызваны въ его чистой душѣ подъ родительскимъ кровомъ. Въ эти счастливейшія въ жизни минуты всѣхъ хочется обнять, всѣмъ сдѣлать добро, всѣмъ выразить свою любовь и ласку. Точно такое же состояніе долженъ испытывать христіанинъ, проникнутый искренней сыновней любовью къ Господу, чувствующій въ сердцѣ вѣяніе любви Божественной. Только несказанная святая радость можетъ наполнять въ это время душу христіанина.

Какъ возлюбленное чадо Божіе, взлелѣянное любовью Отца Небеснаго, христіанинъ можетъ всѣмъ наслаждаться, всему радоваться, за все приносить глубочайшую благодарность Отцу Небесному отъ своего сыновне любящаго сердца, всѣмъ пользоваться для Его прославленія. „Всегда радуйтесь, заповѣдуетъ апостоль, непрестанно молитесь, за все благодарите, ибо такова о васъ воля Божія во Христѣ Исусѣ“ (1 Сол. 5, 16—18). „Радуйтесь всегда въ Господѣ, говоритъ тотъ же апостоль, и еще говорю: радуйтесь“ (Фил. 4, 4).

Только эта радость христіанина можетъ быть чистою и совершенною. Вѣдь наши земныя радости обычно всегда омрачаются различными житейскими заботами и тревогами, опасеніями возможныхъ несчастій и опасностей; а пороки вно-

сять свой ядъ въ наши удовольствія, лишая насъ душевнаго мира и спокойствія, безъ которыхъ полной радости быть не можетъ.

А какія тяжелыя заботы могутъ омрачать свѣтлое, радостное настроеніе христіанина? Призванный къ бытію по безконечной любви Божіей, возрожденный къ новой жизни въ единеніи съ Господомъ, христіанинъ находится подъ постояннымъ воздѣйствіемъ всеблагаго промышленія своего Творца и Спасителя. Господь подаетъ ему всѣ блага жизни. „Всякое даяніе доброе и всякій даръ совершенный исходитъ свыше отъ Отца свѣтовъ“, говоритъ апостолъ іаковъ (1, 17). Господь знаетъ всѣ нужды человѣка. „Не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть, или что намъ пить, или во что одѣться, потому что Отецъ вашъ Небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ“, сказалъ Самъ Іисусъ Христосъ (Мѣ. 6, 31—32).

А какія тревоги могутъ прекращать радость христіанина или ослаблять ее? Чего ему бояться? Вѣдь Самъ Господь охраняетъ человѣка на всѣхъ путяхъ его жизни, такъ что безъ его воли никакое несчастіе и огорченіе, даже самое ничтожное не можетъ постигнуть человѣка. „Не двѣ ли малыхъ птицы продаются за ассарій (мелкая монета) и ни одна изъ нихъ не упадетъ на землю безъ воли Отца вашего, у васъ же и волосы на головѣ всѣ сочтены. Не бойтесь же: вы лучше многихъ малыхъ птицъ“ (Мѣ. 10, 29—31). А если и постигнуть его какія-нибудь скорби, страданія, то даже на самыя мрачныя стороны, на самыя тяжелыя и ужасныя минуты жизни христіанство проливаетъ свѣтлый лучъ ободренія и утѣшенія. Оно говоритъ бѣдному страдальцу, что онъ не одинокій, безпомощный, забытый всѣми странникъ на землѣ, а любимое дитя Божіе, за которое была пролита на крестѣ пречистая кровь Спасителя міра; что всеблагой Отецъ никогда не забудетъ его; что всѣ постигшія его скорби и

лишенія минуютъ; пройдетъ эта временная жизнь, полная для него скорбей и страданій, а послѣ наступитъ новая вѣчная жизнь, полная свѣта и неомрачаемой радости въ обителяхъ Отца Небеснаго. „Блаженны вы, когда возненавидятъ васъ люди и когда отлучатъ васъ, и будутъ поносить, и пронесутъ имя ваше, какъ безчестное, за Сына Человѣческаго. Возрадуйте въ тотъ день и возвеселитесь, ибо велика вамъ награда на небесахъ“ (Лук. 6, 22—23).

Наконецъ, чистая, свѣтлая радость возможна только при спокойствіи нашей совѣсти, когда она не укоряетъ насъ въ нарушеніи требованій высшей Божественной воли, въ уклоненіи отъ своего назначенія. Правда, въ моменты увлеченія самыми порочными удовольствіями совѣсть какъ бы усыпляется, умолкаетъ ея властный голосъ, но тѣмъ ужаснѣе, тѣмъ тяжелѣе бываютъ эти укоры, когда, наконецъ, опьяненіе порочнымъ наслажденіемъ проходитъ, и предъ нашей совѣстью открывается во всей своей наготѣ, во всемъ своемъ омерзительномъ видѣ порокъ, которому человѣкъ придавался. А христіанство заповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ, прежде всего, чистоту сердца: „Блаженны чистые сердцемъ“, т. е. удаленіе изъ мыслей, чувствованій и желаній всего порочнаго, оскверняющаго душу, развращающаго волю.

Такимъ образомъ, ничто не можетъ ни омрачать, ни ослаблять свѣтлой и святой радости христіанина.

Но возможно ли на дѣлѣ такое настроеніе? А вспомните цѣлые сонмы святыхъ мучениковъ: ихъ поносятъ и проклинаютъ,—они благословляютъ; ихъ лишаютъ пищи, заключаютъ въ сырыя и мрачныя подземелья,—они восхваляютъ тамъ хвалебныя пѣснопѣнія Богу; ихъ подвергаютъ самымъ ужаснымъ мученіямъ,—они радуются; ихъ ведутъ на казнь,—они въ восторгѣ сердца благодарятъ Бога и этимъ приводятъ въ смущеніе даже своихъ суровыхъ и

свирѣпыхъ мучителей. Святые угодники Божіи, великіе подвижники вѣры и благочестія, всегда отличались не мрачнымъ, а жизнерадостнымъ настроеніемъ духа. Много скорбей и лишеній испыталъ отъ злобы и неправды чело-вѣческой святитель Божій Іоаннъ Златоустъ, а свою чистую душу предалъ Господу съ радостнымъ восклицаніемъ вѣрующаго и благодарнаго сердца: „Слава Богу за все“.

А вотъ другой примѣръ—преподобный Серафимъ Саровскій, великій чудотворецъ и неустанный молитвенникъ предъ Богомъ за землю Русскую.

Искренняя привѣтливость, сердечное радушіе всегда озаряли лицо этого великаго старца. А сколько глубочайшей любви, сколько безмѣрной радости выражалось въ его обычномъ обращеніи къ другимъ людямъ: „Радость моя“. Какъ глубоко была проникнута его душа постоянною радостью о воскресшемъ изъ мертвыхъ Спасителѣ, можно видѣть изъ такого случая. Однажды онъ встрѣтилъ монаха, который почему-то впалъ въ тяжкое уныніе. Старецъ, исполненный великой духовной радости, заплѣ церковное пѣснопѣніе: „Радости мое сердце исполни, Дѣво, яже радости пріемшая исполненіе, грѣховную печаль потребляющи“. Затѣмъ, обратившись къ унывающему, сказалъ: „Нѣтъ намъ дороги унывать, потому что Іисусъ Христосъ все побѣдилъ: Адама воскресилъ, Еву освободилъ, смерть умертвилъ“. Это восторженное настроеніе старца произвело столь сильное впечатлѣніе на монаха, что онъ самъ, исполнившись искренней радости, послѣдовалъ за старцемъ. Одинъ изъ видныхъ представителей современной науки, наблюдая нѣсколько времени за недавно почившимъ отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ, пришелъ къ такому выводу, что этотъ пастырь переживаетъ постоянно такой высокой подъемъ духа, который у

другихъ людей случается, быть можетъ, только весьма рѣдко на нѣсколько минутъ въ свѣтлую пасхальную ночь.

Значить, если мы, считая себя христіанами, не испытываемъ постоянно свойственнаго истинному христіанину жизнерадостнаго настроенія, то виною этого являемся мы сами: мы относимся къ христіанству внѣшне, не воплощаемъ его въ своей жизни, не проникаемся истинно христіанскимъ сознаніемъ.

Вызывая у человѣка бодрое, жизнерадостное настроеніе духа, христіанство, очевидно, не можетъ отрицательно относиться къ радостямъ земной жизни человѣка, т. е. къ тѣмъ явленіямъ этой жизни, которыя возбуждаютъ у человѣка чувство радости. Оно очищаетъ это чувство отъ всего низкаго и порочнаго, придаетъ ему высшій смыслъ и значеніе и чрезъ это дѣлаетъ его болѣе полнымъ, сильнымъ и постояннымъ въ душѣ человѣка.

Человѣку свойственно наслаждаться красотой природы. Христіанство не запрещаетъ этого наслажденія. Самъ Господь указывалъ Своимъ слушателямъ: „Посмотрите на полевыя лиліи, какъ онѣ растутъ: не трудятся, не прядутъ, но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей своей славѣ не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ“ (Мѡ. 6, 28—29). Но обращая вниманіе человѣка на красоту природы, христіанство указываетъ ему, что этотъ прекрасный міръ есть не результатъ механическаго соединенія частицъ бездушнoй матеріи, не продуктъ слѣпой, безсознательной силы, а чудное созданіе всемогущаго, премудраго и всеблагаго Бога.

Въ каждомъ твореніи проявляются эти великія свойства Самого Творца. Поэтому, созерцая природу, наслаждаясь ея дивными картинами, человѣкъ долженъ преклоняться предъ величіемъ Создателя вселенной и прославлять Его мудрость и благость. Это восторженное настро-

ніе вѣрующаго сердца, при созерцаніи красоты природы, выражается въ восклицаніяхъ Псалмопѣвца: „Какъ многочисленны дѣла Твои, Господи! Все содѣлалъ Ты премудро, земля полна произведеній Твоихъ“ (Псал. 103, 24). Дивны дѣла Твои! (Пс. 138, 14).

(Окончаніе будетъ).

1. Краснитскій.

О необходимости пастырскихъ вѣхъ-богослужебныхъ собесѣдованій.

Учительство и нравственное воспитаніе паствы заповѣданы пастырямъ Самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ. Господь сказалъ: „идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и уча соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ“ (Матѳ. 28, 19—20).

Издавна принято добрымъ обычаемъ Церкви произнесеніе проповѣдей за богослуженіемъ. Пастыри церковные, кромѣ того, состоятъ законоучителями школъ. По условіямъ и потребностямъ настоящаго времени этихъ видовъ церковнаго пастырскаго учительства недостаточно.

Недавно, В. Постомъ совмѣстно съ протоіереемъ о. В. Памфиловымъ мнѣ пришлось вести собесѣдованіе съ однимъ изъ раненыхъ въ лазаретѣ. Мой собесѣдникъ, уроженецъ Кіевской губ., оказался затронутымъ баптистской пропагандой. Между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ: „я желаю читать евангеліе и поступать, какъ

тамъ написано; какъ я могу это дѣлать?“ Я отвѣтилъ:— „читайте св. евангеліе, живите по христіански; зачѣмъ вамъ нужно отдѣляться отъ церкви?“ Собесѣдникъ мой сказалъ: „читать одному,—дома—не усидишь, захочется пойти почитать вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь, а куда я пойду?“... Мнѣ здѣсь вспоминается еще разсказъ, кажется —Метерлинка, гдѣ то мною читанный. Приведу его по памяти. Шли въ лѣсу слѣпые; ихъ было много и вель ихъ поводырь. Но,—вотъ этотъ вожакъ умеръ, его не стало... Слепые не знали, что дѣлать, а идти надо. Наконецъ, одинъ изъ нихъ обнаружилъ присутствіе собаки. „А, собака!—сказали слѣпцы,—намъ не за-кѣмъ идти, пойдѣмъ за собакой!“... И они пошли, ведомые собакой. Не то же ли получается, когда люди, подобные вышеупомянутому раненому, желающіе стать на путь добрый и не находящіе вождя, идутъ за какимъ-либо сектантскимъ лжеучителемъ, болѣе неразумнымъ, чѣмъ сами они?

Въ каждомъ православномъ приходѣ необходимо устроить—по меньшей мѣрѣ—каждый воскресный день *внѣ-богослужебныя бесѣды* съ прихожанами. Иначе многіе разбредутся и погибнутъ.

Помню, лѣтъ около 10 тому назадъ былъ я въ Одессѣ на областномъ миссіонерскомъ съѣздѣ. Послѣ одного изъ засѣданій въ частной бесѣдѣ съ Херсонскимъ епархіальнымъ миссіонеромъ Михаиломъ Александровичемъ Кальневымъ я сказалъ ему: „постановлено усилить проповѣдничество, будутъ посланы распоряженія, циркуляры, а что изъ этого выйдетъ на дѣлѣ?—одному Богу извѣстно. Представьте себѣ воскресный день для сельскаго іерея. Встанетъ онъ часа въ 3—4 утра, служитъ утреню; положимъ, она кончается къ 6-ти, между утренней и литургіей—требы; часовъ въ 7 начинается обѣдня и совершается

до 9-ти; потомъ, опять молебны и требоисправленія. Послѣ сего, очень часто батюшку увозятъ на хуторъ, откуда онъ спѣшитъ къ вечернѣ съ акаѳистомъ. И, вполне понятно, что онъ сильно устаетъ. Будетъ ли онъ и есть ли ему возможность вести еще регулярно внѣ-богослужебныя бесѣды? Не будетъ ли циркуляръ о нихъ консисторской перепиской не болѣе?“ Опытный, донинѣ съ честью высоко держащій апостольское знамя миссіи, М. А. отвѣтилъ: „дѣло—въ сознаниі со стороны приходскихъ пастырей важности и необходимости внѣ-богослужебныхъ бесѣдъ и кружковъ ревнителѣй. Захотятъ отцы—найдутъ время для этого святаго дѣла. Въ распредѣленіи приходской службы, требъ, пастырь, вѣдь, въ значительной мѣрѣ свободенъ и не связанъ; онъ можетъ создать условія веденія бесѣдъ, нисколько не обременительныя для него“.

Это на самомъ дѣлѣ—святая правда.

При добромъ сознаниі и желаніи дѣло веденія внѣ-богослужебныхъ бесѣдъ съ приходомъ—иго не трудное. Каждый изъ пастырей ни мало не затрудняется преподаваніемъ священной исторіи и катихизиса. Вѣдь, по цѣли своей внѣ-богослужебныя бесѣды, какъ и кружки ревнителѣй, суть школы, училища—вѣры и благочестія только не для однихъ маленькихъ дѣтей, а для дѣтей Божіихъ—взрослыхъ. Положимъ, каждый воскресный день въ часы, какіе ему и приходу удобнѣй, приходскій батюшка собираетъ прихожанъ въ храмъ и часъ—полтора излагаетъ имъ по порядку священную исторію, потомъ—катихизисъ, или читаетъ по порядку Св. Библию съ толкованіемъ. При добромъ желаніи развѣ это такъ трудно?

На дняхъ какъ то снова заговорили о реформѣ и лучшей организаціи прихода. Бесѣды пастыря съ па-

сомыи, смѣю думать, лучше всякихъ реформъ сплотятъ приходъ въ одно живое цѣлое. А безъ нихъ люди, которыхъ Апостоль называетъ „псами“ и „злыми дѣлателями“ уведутъ овецъ стада Божія въ пути гибели.

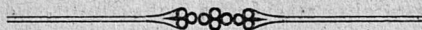
Въ г. Новочеркасскѣ внѣ-богослужебныя бесѣды были поставлены широко Высокопреосвященнымъ Владимиромъ—первымъ, какъ его нынѣ называютъ на Дону. Нынѣ правящій епархіей Архипастырь, Высокопреосвященный Митрофанъ, поставилъ цѣлью, насколько извѣстно, развитіе обычай наученія людей вѣрѣ и благочестію по всѣмъ приходамъ епархіи.

Задача настоящей замѣтки—напомнить донскимъ пастырямъ о дѣйствительной необходимости и важности сего святого дѣла. Тѣмъ болѣе, что народъ нынѣ особенно нуждается въ простомъ безискусственномъ живомъ словѣ пастырей Церкви, нынѣ—когда всѣ мы переживаемъ тяжелые дни небывалой войны.

Сами отцы на благочинническихъ съѣздахъ, на совѣщаніяхъ съ прихожанами, конечно, детальнѣй выработаютъ условія и программы приходскихъ внѣ-богослужебныхъ учительныхъ занятій.

Весьма полезенъ былъ бы обмѣнъ мнѣній на страницахъ епархіальнаго органа по этому важному вопросу. Думаю, что, если бы у кого явились недоумѣнія по вопросамъ о постановкѣ этого дѣла, члены редакціи съ своей стороны не откажутся дать посильный совѣтъ и указанія.

Д. Граціанскій.

Письмо къ Донскимъ старообрядцамъ о единовѣрїи.

Къ исторїи старообрядчества на Дону въ 18 столѣтіи.

(Продолженіе).

Нако вселенскую церковь хулить поповщина.

А восточная де и російская церковь, сиречь вселенская есть церковь за новшествы отпадшая, или во отступленіе пришла отъ благочестія и благочинія, и нѣсть истинная церковь христова, но еретическая: и какая уже благодать у еретиковъ? аще у тоя церкви полное и верховное священство: то есть патріархи, митрополиты, архіепископы, и епископы, архимандриты, игумены, и весь клиръ, и безчисленное множество иночествующихъ, и свѣтскихъ властныхъ и подвластныхъ, но въ ересяхъ состоятъ. того ради у нихъ и ні есть благодатное священство, но вещественное дѣйствіе бысть въ рукоположеніи и въ священнодѣйствіи. У приходящихъ же отъ новшества къ старообрядству священныхъ лицъ бываетъ дѣйствіе благодатное: понеже убо духъ святой на нихъ приходитъ во время прїятія ихъ у старообрядствѣ чрезъ тѣхъ священниковъ кои принимаютъ ихъ въ православїи. и довольно намъ на спасеніе по сицевымъ чинамъ, 2-му и 3-му, прїятыхъ приходящихъ священниковъ и безъ архіерейства. Доздѣ утвержденіе отъ поповщины.

Ктому же здѣ прилично вознепщевали вспомянуть и о безпоповскихъ сектахъ: аще они разорвались между собою на многія согласія: яко то поморскія, федосѣевы, филипповы, пастуховы, нетовшина, селезневшина, и новожены: о прочихъ же како они именуются и како свои согласїи утверждаютъ, причемъ учителя ихъ, и имъ послѣдующія хулятъ святую, соборную апостольскую церковь состоящую на востоцѣ, въ грѣцы, и здѣ въ россіи, мы хотя въ конецъ не свемы. но едино вѣмъ, что они* и отъ нихъ некія глаголють: яко бы отъ лѣта 1666 духовне во оной вселенской церкви царствуетъ антихристъ, и вся тайнства церковная истребилъ. того ради они по своему

обычаю прельщенныхъ къ себѣ приходящихъ пріемлютъ безчинно, подѣ видомъ перваго на еретикъ положеннаго чина подѣ крещеніе. триперстное же сложеніе они овыя почитаютъ за печать антихристову. и тѣмъ они крайне ошиблись: понеже церковныя учителя возвѣщаютъ въ царство его быти на чело-вѣкъ скорбямъ, иже отъ начала не бысть. и потомъ таковыхъ не будетъ: которыхъ нынѣ не зрится. такъ же и кои чело-вѣцы печать пріимуть антихристову, таковымъ покоянія несть, и чину отъ него приходящимъ не положено святыми: а они приходящихъ пріемлютъ въ покояніе и вяжутъ и разрѣшаютъ мужики простаки.

Посему мы таковаго во всѣхъ вышереченныхъ сектахъ находящагося пагубнаго фарисейскаго высокоумія и поношенія святой соборной апостольской восточной и россійской церкви и раздѣленія не причавствуемъ. вѣрующе словеесемъ господнимъ исповѣдуемъ ея по евангелію христову святую соборную апостольскую. А тѣ иже исповѣдуютъ сію святую соборную церковь нехристовую остаются въ сицевыхъ порокахъ.

Первое. Бога нашего вѣрнѣйшихъ глаголь, иже въ благо-вѣстномъ евангеліи отъ вѣчности церкви священства и благо-дати его установленной у іоанна въ 40 зач., у луки въ 95 зач. и въ 107 зачалѣ дѣтельно не исповѣдуютъ: убо противятся богу и его священному евангелію.

Второе. Святыя соборныя церкви ни гдѣ быти не находятъ а свою безъ епископства назвать соборною не могутъ. И тако остаются по сему въ церкви смысленной: чрезъ то уже подѣ виною неизбѣжнаго вѣчнаго томленія сицевыхъ быти засвидѣ-тельствуютъ книга большой катихизисъ во главѣ 25 въ послѣд-ней статьи, 121 листа на оборотѣ отъ послѣдней строки и книга вѣры 216 листа на оборотѣ отъ строки 7. Засимъ намъ нѣсть слово къ безпоповскимъ, но къ вамъ, дабы вы могли прійти въ первое познаніе истиннаго благочестія тайнство, и исповѣданіе и содѣйствіе.

Къ тому же въ разсужденіе предлагается отъ насъ.

Изъ сего нашего прописаннаго показанія вамъ, и всякому читателю и слышателю можно видѣть, что церковь святая соборная апостольская имѣетъ у себѣ главу самого христа

спасителя своего и по образу его главу церковнаго тѣлѣси епископовъ, пресвитеровъ же и діаконѡвъ по образу суще рукъ, яко тѣми правленіе церковное содѣловають епископи. Якоже и павель свидѣтельствуеть основаніе церкви христось, и онъ есть спаситель тѣла своего и никтоже можетъ положить паче хрестови основанія ибо той даль есть, апостолы, пророки, благовѣстники, пастыри, и учителя къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія тѣла Христова. Не по ааронову временнаго но по мельхисидекову вѣчнаго чина христось приде архіерей вѣчныхъ благъ и якоже самъ никогда не умираеть, такожде и священство его по чину мельхисидекову не престаеть. престоало тогда архіерейство аароново яко временное возстало хрестово вѣчное. Имъ же даде мнасы повелѣ дѣять куплю до второго своего пришествія якоже доказываетъ ееофилактъ ни большимъ лѣпо быти ни мнѣ еже слово благодатию *три сія образи въ церкви* дѣйствъ наслѣдуема чинѡвъ: *діакони* очищаютъ оглашеніемъ ученія, *пресвитери* просвѣщаютъ крещеніемъ. *Архіереи* же священныя чины поставляютъ, и совершаютъ еже есть рукоположеніе. И сицѣ трети чинми иматъ быти во языцѣхъ и на всякомъ мѣстѣ жертва чистая которую церковъ хрестіанская отъ языкъ избранная во всемъ мирѣ господу богу приносить: и до скончанія вѣка приносить иматъ тѣло и кровь господа бога и спаса нашего ісуса хреста. Въ сихъ то чинѣхъ видимъ бысть отъ іоанна богослова градъ святыи іерусалимъ новъ сходящій отъ бога съ небесѣ, и градъ той имѣя славу божію и престоль божій, и агнецъ въ немъ, сиречь церковъ святая невѣста хрестова, и якоже жена облечена въ солнце, и луна подъ ногами ея, и на главе своей имяши венецъ отъ звѣздъ небесныхъ: имѣя же пребогатое сокровище божественныя благодати, и источникъ изобильный даровъ духа святаго всѣхъ седми тайнъ, якоже река текущая чистая воды животныя отъ престола божія и агнча: которая отраждаетъ сыновъ божіихъ по благодати святымъ крещеніемъ, творя ихъ чистѣйшихъ паче снега и во святыню облачаетъ паче солнца сиречь во хреста.

Вы же поручили довѣренность просить въ санктъ петербургъ отъ свѣтской духовной и верховной власти михайлѣ киреевичу таково повеленіе, чтобъ вамъ въ станицахъ вашихъ имѣть часовни а не церкви и при оныхъ быть вѣтковскимъ попамъ для потребъ и исправленія. А вѣтковская церковъ основанія же

христова въ трехъ чинахъ священства не имѣеть, но входящихъ бѣглыхъ отъ російскія церкви точію пресвитеровъ и діаконѡвъ безъ епископства: и не мнится чтобъ оныя совершенно бога ради для соблюденія по старопечатнымъ книгамъ служенія, но много овья запрещенныя отъ своихъ архіереевъ, такъ нынѣ и у васъ наѣзжаетъ попъ филипъ точно запрещенной въ чемъ онъ въ елисаветѣ въ провинціальной канцеляріи въ допросѣ извинился, а овья за некія вины подлежащія и до суда архіерейскаго бѣжали. обаче исключая и таковыхъ, но хотя бы и точно къ стариннымъ обрядамъ ушли: а дѣйствуютъ по старопечатнымъ книгамъ безъ епископскаго повѣленія и благословенія, и таковое ихъ дѣйства суть весьма сомнительно: о чемъ покажемъ отъ божественнаго писанія.

Первое. Что они то есть безъ начальства яко безглавная: какъ выше объясняется на апостольское 85-е правило въ толкованіи: епископы убо по образу господя нашего ісуса христа глава церковнаго телесе, а пресвитеры и діакони по образу суще рукъ, яко тѣми церковное правленіе содѣваетъ епископъ. изъ чего разумно видится, гдѣ епископа у которой церкви нѣсть, то у той церковнаго правленія епископскаго содѣянїя не можно.

Второе. Она то есть церковь безъ епископства вдовствующая якоже выше предписано 4 вселенскаго собора въ правилѣ 25: и въ толкованіи, аще болѣе трехъ мѣсяцевъ безъ епископа вдовствуетъ церковь бѣда некая неотрочна.

По сичевымъ дву правильнымъ обстоятельствамъ сами вы сообразите назнаменующе отъ писанія божественнаго вмещаетъ ли ся при старинныхъ обрядахъ во всѣхъ сѣктахъ наченъ отъ согласія вѣтковскаго и отъ него произшедшихъ: діаконскаго, епифановскаго, анѡимовскаго, помазанскаго, чернобыльскаго, въ церквахъ двомя чинму безъ епископства предвозвещенныя въ священномъ евангеліи, и въ апостольскомъ ученіи такъ же и въ правилѣхъ ихъ, и по нихъ послѣдующихъ имъ святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и учителей церковныхъ воля божія и вѣчность богомъ (?) преданнаго священства и благодатнаго церковнаго благочинія? Ей никакоже: понеже во всѣхъ сектахъ находятся отъ російской церкви священники и діаконы, которые епархіальныхъ архіереевъ, епархіальныхъ церквей гдѣ имъ отъ оныхъ къ дѣйствію

была дана власть убѣжали: а при старинныхъ обрядахъ въ тѣхъ согласіяхъ архіереевъ къ дѣйствию повѣлѣнія не нашли, и дѣйствуютъ ныне они самовольно и самочинно безъ епископства, яко руки безъ главы церковной: и въ такомъ святыхъ отецъ уподобленіи всякъ признать можетъ. Аще у челоуѣка отъ главы тѣла ея отсечется рука то уже суть мертва, аще же глава отъимется отъ тѣла, кому всѣ тѣло мертво суть: сиче разумъ святыхъ составляетъ главы тѣле. Якоже святой златоустъ въ бѣсѣдахъ апостольскихъ свидѣтельствуя глаголетъ: якоже бо аще случится рука отторжена сущи отъ тѣла духъ отъ мозга содержанія ища и не обреть не касается.

(Продолженіе будетъ).

Древность обряда колѣнопреклоненія.

Одинъ мой старый знакомый старообрядецъ австрійскаго согласія г. Кузьминъ,—года два тому назадъ переселившійся на Амуръ,—недавно прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ между прочимъ пишетъ:

...„Въ послѣднее время я сильно занятъ вопросами религіозными: изучаю книги, бесѣдую съ свѣдущими людьми, слушаю религіозныя бесѣды и, странно: чѣмъ больше узнаю, тѣмъ все больше и больше появляется у меня сомнѣній. Вотъ напримѣръ. Заинтересовался я происхожденіемъ обычая колѣннаго преклоненія и сталъ этотъ вопросъ изслѣдовати со всѣхъ сторонъ. Сначала прочиталъ объ этомъ у Андрея Денисова въ „Поморскихъ отвѣтахъ“—это меня не удовлетворило: мнѣ не краснорѣчіе нужно, неопровержимые доводы, а ихъ—то у Денисова, по моему мнѣнію, и нѣтъ. Онъ утверждаетъ, что *молитва на колѣнкахъ есть латинскій обычай, значитъ еретическій*. Хорошо, думаю себѣ!—а правда-ли это? Что этотъ обычай есть у латинъ, это, думаю, еще не доказательство, что онъ еретическій; у латинъ, какъ и у другихъ еретиковъ, можно встрѣтити массу древнихъ иконъ, книгъ, крестовъ, св. мощей и слѣдовательно, не мало у нихъ сохранилось и древнихъ обрядовъ (у латинъ напримѣръ, мощи св. отца Николы въ Баръ-Градѣ).

Спрашиваю своихъ свѣдущихъ людей:—какъ вы мыслите о колѣнномъ преклоненіи на Троицкой вечерни? Въ уставахъ,— отвѣчаютъ, говорится слѣдующее: „По великомъ прокимнѣ возглашаетъ іерей или діаконъ: Паки и паки *преклоньше колѣна*, Господу помолимся. И мы: Господи помилуй. И намъ *главы* не покровенны (монахомъ) *съ колѣна преклонимъ* на землю“.— Значить колѣнопреклоненія нужно совершать такъ, чтобы наши главы съ колѣнами преклонялись до земли. Такъ понимаютъ преклоненіе колѣнъ наши грамотѣи. Обратился я съ этимъ же вопросомъ къ своему духовному отцу Леонтію и спрашиваю: Скажи, мнѣ, грѣхъ молиться, стоя на колѣнахъ?—Не только грѣхъ, а даже и *ересь*: такъ молятся только латины, да никоніане.—Хорошо отче. А какъ-же вы читаете молитвы на Троицкой вечерни? Ну, мы миряне *лежимъ* на подручникахъ, преклонивъ колѣна и главы, къ земли, а вѣдь вамъ этакъ не сподручно: если вы свою голову преклоните къ земли, то какъ-же вы будете читать молитвы лежа? Отецъ Леонтій подумалъ, а потомъ и говорить: А я, братъ, ставлю скамеечку, кладу на нее книгу и читаю.—Но вѣдь вы-же тогда должны стоять—или на ногахъ обычно—а этого нельзя, такъ какъ людей вы приглашали *вмѣстѣ съ собой преклонять колѣна*, или же должны стать прямо на колѣна, безъ преклоненія главы къ землѣ; иначе никакъ молитвы не прочтешь. А вѣдь вы сами сказали, что это еретическій обычай... Я, простите Христа ради, сколько вотъ ужъ лѣтъ стоя на колѣнахъ читаю молитвы.—Но вѣдь это-же по никоніански?—По никоніански. Чтоже дѣлать. Это по нуждѣ—иначе нельзя.—Что вы, отче, говорю, развѣ можно принимать даже и по нуждѣ этотъ еретическій обычай?—Да развѣ я одинъ? Всѣ наши старообрядческіе священники такъ дѣлаютъ. Значить тоже еретики? Зачѣмъ еретики: худого въ этомъ ничего нѣтъ—и апостолы преклоняли колѣна на молитву...—Вотъ какъ—значить этотъ обычай колѣннаго преклоненія не католическій, а апостольскій, слѣдовательно въ Великой російской церкви онъ принятъ не зря... Да и то сказать: правильно-ли наши книжники понимаютъ уставъ о преклоненіи колѣнъ на Троицкой вечерни? Діаконъ или іерей приглашаетъ: „Паки и паки *преклоньше колѣна*“. О чемъ тутъ рѣчь? Исключительно о колѣнахъ. О преклоненіи главы къ земли въ этомъ приглашеніи нѣтъ ни звука и только дальше уже есть нѣкоторый намекъ и на преклоненіи главы. Но я думаю, здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ недостаточно ясной редакціей: понимать это мѣсто, по моему

крайнему разумѣнію, нужно такъ: голову въ этотъ моментъ долженъ раскрыть и преклонить одновременно съ колѣнами, но *колѣна до земли, а голову немного свѣсивъ на грудь*; ибо въ этомъ мѣстѣ нѣтъ яснаго приказанія преклонить голову до земли,—говорится только о преклоненіи до земли колѣнъ, а не головы. Да и не могу я себѣ допустить, чтобы св. отцы,—составители устава, могли дѣлать такія распоряженія. Вы обратите вниманіе на продолжительность читаемыхъ во время преклоненія колѣнъ молитвъ. Вѣдь ихъ цѣлыхъ четыре и всѣ они длинныя. Пока ихъ прочтетъ священникъ,—легко можно заболѣть отъ прилива крови въ головѣ. Ну-ка, полежи около часу головою внизъ. Это будетъ не молитва а мученіе. Да наконецъ—зачѣмъ мы себя обманываемъ: священникъ приглашаетъ насъ *преклонить* колѣна, а мы *ложимся* на землю и увѣряемъ себя, что эта лежка и есть колѣнопреклоненіе, хотя священникъ, читая молитвы, въ это время стоитъ на колѣняхъ. Значитъ для мирянъ это ересь,—католическій обычай, для священника, обычай—христіанскій. Что то тутъ не такъ. Отецъ Леонтій обѣщался обратиться за разрѣшеніемъ этого вопроса къ своему епископу, прося его выяснить, какъ онъ долженъ читать молитвы на вечернѣ? Не знаю, что ему отвѣтилъ епископъ, но я до сихъ поръ не могъ нигдѣ добиться разрѣшенія своихъ недоумѣній: *еретическій это обычай, или православный*. Если дѣйствительно это латинскій, еретическій обрядъ то на какомъ основаніи ваша Великороссійская церковь приняла его въ употребленіе? По интересующему меня вопросу вотъ что говорится въ нашемъ журналѣ „Церковь“ въ статьѣ *Θ. Мельникова*: „Часто приходится видѣть на историческихъ картинахъ изображеніе, напримѣръ богомольцевъ древней Россіи стоящими передъ иконами *на колѣняхъ*. На извѣстной картинѣ Нависильцева—„Смерть митрополита Филиппа“ даже этотъ святитель изображенъ молящимся стоя на колѣняхъ. Художники не знаютъ всѣмъ, казалось бы, *извѣстной истины, что въ старину никто изъ русскихъ благочестивыхъ людей не молился на колѣняхъ*. Этотъ видъ моленія *латинскаго происхожденія* и перешелъ къ намъ въ Россію уже *послѣ никоновскихъ реформъ*. Въ старообрядствѣ онъ не принятъ. Предки старообрядцевъ *обличали это нововводство въ никоновской церкви, какъ латинскій обычай, чуждый древне-русскому православію*“. („Церковь“ № 2 1912 г.).

Въ другомъ мѣстѣ въ журналѣ „Слово Церкви“ читаемъ слѣдующее: „Чтоже касается преклоненія однихъ только колѣнъ т. е. стоянія на колѣняхъ, то это совсѣмъ *не православный* обычай, а *чуждый* Христовой Церкви,—*католическій*. О такомъ колѣноприклоненіе даже новообрядческіе іерархи отзываются, какъ о *кощунственномъ*. Антоній архіепископъ, бывшій Волинскій, нынѣ Харьковскій, говоритъ, что „подобный способъ молитвы перешелъ къ намъ отъ римско-католиковъ; это, есть результатъ воспитанія дѣтей гувернантками—француженками—католичками... Такіе православные богомольцы уподобляются тѣмъ римскимъ воинамъ, которые издѣвались надъ Иисусомъ Христомъ. „И били Его по головѣ тростию и плевали на Него, и, *становясь на колѣна, кланялись Ему*“. (Мр. гл. XV—ст. 19). Выдержка взята изъ газетъ „Волянъ“ 1903 г.) и „Одесскія Новости“ № 5902: („Слово Церкви“ № 31—1915 г.). Такимъ образомъ—ясно отсюда, что преклоненіе колѣнъ на молитву есть обычай не Христовой Церкви а *еретическій, латинскій, чуждый православію, католическій, кощунственный нововводный*. Такъ говорятъ наши старообрядцы во главѣ съ г. Мельниковымъ. Только вотъ что для меня кажется страннымъ Ссылаются эти журналы на архіепископа Антонія, будто онъ называлъ колѣнопреклоненіе ересью и кощунствомъ, и приводятъ его слова изъ еврейскихъ газетъ. Мнѣ просто не вѣрится, чтобы такую нелѣпость могъ сказать просвященный іерархъ. Вашего владыку Антонія я хорошо знаю и потому не могу допустить, чтобы онъ произнесъ приписываемыя ему слова. Не евреи-ли сочинили ихъ, не понявъ его проповѣди. Могъ ли владыка Антоній привести такое основаніе своему утвержденію: „римскіе воины, издѣваясь, становились на колѣна, *кланялись ему*“. Коль—скоро они „кланялись“, то значить „стоянія“ на колѣняхъ не было. Скорѣе поступокъ римскихъ воиновъ по внѣшнему своему виду напоминаетъ старообрядческое преклоненіе колѣнъ на Троицкой вечерни: воины, преклоняя колѣна, кланялись до земли,—кланяются, преклоняя колѣна, и старообрядцы при чтеніи молитвъ. Тоже, значить, кощунствуютъ? Зачѣмъ приводятъ неподходящіе тексты? Просто вл. Антоній или совсѣмъ этого не говорилъ, или же если и говорилъ, то ни въ такомъ смыслѣ. Если-же, сверхъ ожиданія, оказалось-бы, что онъ дѣйствительно такъ именно сказалъ, то пришлось-бы признать и сказать одно:—именно, что и владыки иногда глубоко ошибаются. Могъ

ошибиться и архіерей Антоній... не Богъ же онъ въ самомъ дѣлѣ. Долго я думалъ надъ этимъ вопросомъ и теперь пришелъ къ заключенію, что ничего худого въ колѣнопреклоненіи нѣтъ. По пусту кричатъ наши начетчики, что это обычай еретическій, латинскій. *Доказательствъ „еретичности“ его я отъ нихъ не вижу.* Пусть покажутъ, кто изъ св. отцовъ назвалъ этотъ обычай еретическимъ и отвергъ его, какъ кощунство. Будьте добры не поставьте себѣ за трудъ сообщить мнѣ, какъ вы мыслите по сему вопросу. Напередъ приношу вамъ свою глубокую благодарность. Ив. Вас. Кузьминъ. ¹⁾

Отвѣчая ему на это письмо, я писалъ, сказавъ что слѣдовало по другому вопросу:

„О колѣнопреклоненіи я мыслю такъ, ваши начетчики и пастыри безусловно ошибаются, считая его обычаемъ чуждымъ Христовой Церкви, латинскимъ и еретическимъ. Вы правильно говорите, что *у нихъ нѣтъ* доказательствъ „еретичности“ этого обряда, поэтому они и ограничиваются въ своихъ отвѣтахъ *голыми словами*, да глухою ссылкою на газетныя слова арх. Антонія, а отъ „писанія“ ничего не приводятъ. Разсматривая писаніе и творенія св. отцевъ, я вижу, что колѣнопреклоненіе есть обычай древней Христовой Церкви, а не латинскій;—многіе св. отцы всю свою жизнь провели въ подвигахъ, молясь на колѣняхъ и предали свою душу въ руцѣ Господни, находясь въ такомъ-же положеніи. Св. Евангелисты говорятъ, что І. Христосъ въ Геосиманскомъ саду молился и падая на лице Свое“, (Мѡ. и Мр.) и „*преклонялъ колѣна*“ (Лк. 22—41). Такъ-же и объ апостолахъ мы имѣемъ свидѣтельства, что они молились, преклоняя колѣна. Откуда-же видно, что и Христосъ, и св. апостолы, молясь, стояли на колѣняхъ, такъ, какъ имѣемъ нынѣ мы обычай? Это видно изъ того, что христіане первыхъ вѣковъ, храня апостольскія преданія и обычаи, имѣли обыкновеніе молиться, стоя на колѣняхъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ св. отцы и учителя древней церкви. Такъ св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ слѣдующее: „Итакъ начни каяться... *стань на колѣна, ударяй себя въ грудь, плачь, рыдай, скорби, простирай руки къ небу, возведи очи твои къ Господу, постись, бодрствуй*“ ²⁾

¹⁾ Письмо г. Кузьмина приведено съ буквальной точностью, — исправлена только орфографія.

²⁾ Творенія св. Іоанна Златоустаго т. VIII—713.

Вдумайтесь въ эти слова и подробно разберите ихъ. Св. отецъ призываетъ покаяться, и приказываетъ *стать* на колѣна“. Выраженіе у него буквальное: „*Стань на колѣна*“. Если понимать по старообрядчески „*стань* на колѣна“ т. е. „*лягь* на подручникъ, положивъ голову съ колѣнями на землю,—то скажите, какъ можно, находясь въ такомъ лежачемъ положеніи, „*ударять* себя въ грудь“, *возвести* очи свои къ образу Господню и особенно,—„*простереть руки свои къ небу*“. Это физически не возможно. Слѣдовательно св. І. Златоустъ безспорно—ясно говорить о преклоненіи колѣнъ по нашему обычаю: ставъ на колѣна кающійся грѣшникъ, можетъ и очи свои возвести къ образу Спасителя и руки простирать къ небу, и ударять себя въ грудь, подобно евангельскому мытарю, говоря: „Боже милостивъ, буди мнѣ грѣшному“. Неужели Златоустъ былъ латинистъ, коль-скоро приказывалъ становиться на колѣни? Неужели онъ могъ проповѣдывать еретическій и кощунственный обычай? Ваши старобрядческіе учителя и начетчики слишкомъ много на себя берутъ, съ плеча все обзывая еретическимъ и чуждымъ Христовой Церкви. Если этого обычая у старобрядцевъ и нѣтъ, то это вовсе не значить, что его не было и въ древней Христовой Церкви. Какимъ образомъ колѣнопреклоненіе могло быть католическимъ обычаемъ, если о немъ пишетъ св. І. Златоустъ, жившій въ IV вѣкѣ; вѣдь латины отдѣлились отъ восточной церкви въ половинѣ XI вѣка т. е. спустя болѣе 600 лѣтъ послѣ смерти св. Златоуста. Находимъ этотъ обычай и у другихъ св. отцовъ, жившихъ и до Златоуста, и при немъ, и послѣ него. Блаженный Іеронимъ, рассказывая о жизни великихъ подвижниковъ Антонія Великаго и Павла Фивейскаго пустытника, между прочимъ говоритъ: „Антоній снова отправился въ путь по той же дорогѣ по которой пришелъ, жажда Павла, желая его, видѣть, созерцая его умомъ и очами... вошедшій въ пещеру, онъ увидѣлъ бездушное тѣло, съ преклоненными колѣнями, съ протянутой шеей съ воздѣтыми *кверху* руками“³⁾. Это былъ св. Павелъ, Чтоже? Опять у св. отцовъ „еретическій и чуждый Христовой Церкви обычай?“ И смотрите, какая подробность: св. подвижникъ умеръ, *стоя* на колѣняхъ и съ воздѣтыми *кверху* руками. Ясно, что онъ умеръ во время молитвы. Не былъ-ли этотъ св. преподобный отецъ латинистъ, который предъ своею смертію вздумалъ: подобно римскимъ воинамъ, покощунствовать предъ Богомъ?

³⁾ Творенія т. IV стр. 9.

Увы! Нѣтъ, Преподобный Павелъ, умершій колѣнопреклоненно, былъ подвижникомъ Христовой восточной церкви и еретиковъ-латинистовъ при немъ еще не существовало. Откуда же у него этотъ обычай? Ясно, что отъ преданій апостольскихъ, ибо онъ жилъ во времена апостольскихъ мужей. Теперь скажите, уважаемый Ив. Вас—чъ,—правду ли сказалъ Мельниковъ, утверждая, что колѣнопреклоненіе есть латинскій обычай и нововводство никоновской церкви. Далѣе я вамъ приведу разсказъ, взятый изъ книги „Лугъ духовный“ преподобнаго отца Іоанна Мосха, который жилъ въ VI вѣкѣ,—значить опять лѣтъ за 500 до появленія латинской ереси. Преподобный повѣствуетъ: „Одинъ изъ отцовъ Феопольскихъ говорилъ о себѣ, что въ одинъ день пошелъ одинъ на гору Аманонъ по нѣкоторой нуждѣ, и нашель тамъ пещеру. Вошедъ въ нее, онъ нашель *стоящаго на колѣняхъ имѣющаго руки простершими къ небу*, а волосы повисшими до земли... (Онъ былъ мертвъ). Да, сказалъ старецъ (сосѣдней пещеры)—вотъ уже 15 лѣтъ, какъ скончался тамошній старецъ, а представляется, что не больше часа, какъ заснулъ ⁴⁾. Да заградятся же уста хульниковъ, порицающихъ христіанскій обычай, еретическимъ и чуждымъ св. Церкви: св. отецъ умершій колѣнопреклонно и пробывшій въ такомъ положеніи—съ простертыми къ небу руками, 15 лѣтъ является грознымъ обличителемъ этихъ новыхъ учителей, а для богобоязненныхъ служить вразумителемъ и защитникомъ древности памятнаго нами обычая. Въ той-же книгѣ св. Іоанна Мосха читаемъ далѣе. „Объ аввѣ Ноннѣ разсказывалъ авва Феодосій: Однажды еще до того времени какъ надлежало бить въ било, лежа въ постели своей, услышалъ я что, кто-то тихимъ голосомъ произноситъ: „Господи помилуй“. Насчитавши 50 разъ „Господи помилуй“, хотѣлъ я узнать, кто это произносилъ. Посмотрѣвъ изъ окна кельи въ церковь—увидѣлъ старца, *стоящаго на колѣняхъ* и свѣтлую звѣзду надъ головою его, который свѣтъ помогъ мнѣ узнать—кто былъ сей старецъ,—⁵⁾ это былъ великій подвижникъ обители преподобный Ноннъ. Я недопускаю мысли, что эти ясныя и совершенно безспорныя свидѣтельства въ защиту нашего обряда можетъ кто-либо перетолковать или исказить. Слишкомъ ужъ много нужно смѣлости,

⁴⁾ „Лугъ духовный“ гл. 88 стр. 87.

⁵⁾ Лугъ духовный тамъ-же.

чтобы оспаривать то, что о чемъ нельзя спорить. Наконецъ беру свидѣтельство изъ древнепечатной книги „Требникъ“, Стрятинской печати, изданный подѣ наблюдениемъ и руководствомъ боголюбиваго защитника Христовой вѣры и противъ латинь, Гедеона Балабана (1606 г.). Требникъ этотъ изданъ за 50 лѣтъ до Никона патріарха и *свидѣтельствованъ* святѣйшимъ Мелетіемъ, патріархомъ Александрійскимъ, 10 посланій котораго помѣщены въ книгѣ Кирилловой. Въ этой книгѣ св. мученикъ Трифонъ въ своей „повѣстной и заклинательной молитвѣ“ рассказываетъ, что когда онъ жилъ въ Кампсандрійской веси, пася гусей, пришли къ нему жители прося его св. молитвъ противъ всякихъ насѣкомыхъ и гадовъ этой веси, истреблявшихъ ихъ нивы и виноградники:... Иже въ веси оной живущимъ прилежащаго озера, и къ прошенію и умоленію мя пришедшихъ, и убо *на молитву преклоньшу ми колѣнь и руки къ Богу простершу* услышай иже нанъ уповающихъ Богъ“⁶⁾. Опять—св. мученикъ Трифонъ, а также боголюбивый Гедеонъ, епископъ львовскій „иже сохрани яже отеческая“ и святой Мелетій патріархъ—неужели были латинисты? Я—бы могъ привести вамъ еще многія доказательства древности нашего обычая, но полагаю что и сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что всѣ наши обряды, какъ и колѣнопреклоненіе, имѣютъ оправданіе въ глубокой древности. Прочитайте къ сему еще въ Большомъ Соборникѣ слово въ недѣлю мясопустную. Очень жаль, что старообрядческіе руководители сознательно закрываютъ свои глаза, упорно не желая видѣть древности нашихъ обычаевъ. Къ этому считаю необходимымъ добавить еще вотъ что. Г. Мельниковъ пишетъ, что въ старину *никто* изъ русскихъ благочестивыхъ людей *не молился на колѣняхъ*“. Это—неправда. Своихъ словъ г. Мельниковъ *ничѣмъ* доказать не можетъ. Мы уже показали, что колѣнопреклоненіе ведетъ свое начало отъ апостольскихъ временъ и что св. отцы единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что этотъ обычай безусловно православный. А коль-скоро онъ православный и былъ въ употребленіи какъ мы видѣли у св. отцовъ, то слѣдовательно и „русскіе благочестивые люди“ до лѣтъ п. Никона молились, стоя на колѣняхъ. Что это дѣйствительно такъ—пусть каждый взглянетъ на образъ Боголюбской Божіей Матери. Въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ въ лѣвомъ предѣлѣ есть древній образъ Боголюбской Матери Божіей. Такой же

⁶⁾ Гедеонскій Требникъ л. 543 об. нашей бібліотеки.

образъ стоитъ у Варварскихъ воротъ въ Москвѣ. Видѣлъ и я такіе же образы во многихъ старообрядческихъ молельняхъ и помнится на Рогожскомъ или Преображенскомъ кладбищѣ. Вездѣ на этомъ образѣ Пречистая Дѣва изображается стоящею во весь ростъ со свиткомъ, а предъ нею въ молитвенномъ положеніи святые и въ самомъ низу—московскіе святители Петръ Алексій и Іона. Всѣ они—*стоятъ* на колѣняхъ. Затѣмъ въ Москвѣ находится въ Кремлевской церкви Благовѣщенія на Житномъ дворѣ чудотворная икона Богоматери „Нечаянная радость“. Предъ образомъ Богоматери мы видимъ молящагося человѣка, *стоящаго на колѣняхъ*. Наконецъ я видѣлъ древнюю икону XVI вѣка во Львовскомъ Національномъ музеѣ. Икона—*московскихъ* мастеровъ. На ней изображено явленіе Божіей Матери преподобному Сергію Радонежскому. Преподобный Сергій и пр. Михей, его ученикъ, изображены *стоящими на колѣняхъ* въ молитвенномъ положеніи... Но довольно... Достаточно и сказаннаго... Теперь сами разсудите: молились въ старину русскіе люди на колѣняхъ или нѣтъ? Г. Мельниковъ говоритъ: нѣтъ; но ничѣмъ не подтверждаетъ эту, „всѣмъ извѣстную истину“. Мы-же представили доводы отъ многихъ св. отцевъ и древнихъ иконъ и эти свидѣтели, наоборотъ, говорятъ: „да, благочестивые люди въ древности молились на колѣняхъ, ибо это есть обычай Христовой Церкви“.

Кто правъ—г. Мельниковъ, или святые отцы—вы, я полагаю, сами догадаетесь...

Желаю вамъ спасти свою душу.

Свящ. В. Демидовъ.

Изъ приходской жизни.

I.

Въ нынѣшнемъ году „Клиновой“, рѣчушка, захватывающая часть хутора Большого Усть-Хоперской станицы, разыгралась не нашутку. Вода поднялась высоко, теченіе сильное, образовались заторы льду, на излучинахъ зашумѣли буруны.

13 марта, часовъ въ 12 дня, двѣ женщины Анна и Татьяна Тарасовы съ ребенкомъ возвращались домой на парѣ лошадей. Думали, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, переѣхать рѣчку. Погнали лошадей. На серединѣ, гдѣ особенно глубоко, и „крутить“, лошадь, привязанная съ правой стороны, силой теченія, была занесена на лѣвую сторону и погрузилась въ воду съ ушами. Коренникъ сталъ падать, въ бричку набралась вода и она начала наклоняться, погружаться въ глубину. Женщины подняли крикъ и просили о помощи. Народъ лишь галдѣлъ, не зная, что предпринять. Были жутко. Въ это время пришелъ полюбоваться на разливъ мѣстный батюшка. о. М. П. увидѣвъ утопающихъ, онъ скинулъ теплое верхнее платье, бросился къ обезумѣвшимъ женщинамъ, взялъ сначала ребенка, потомъ по-очереди перенесъ на себѣ обѣихъ женщинъ, даже мѣшокъ съ мукой не забылъ и зацѣпилъ брошенной съ берега веревкой бричку, которую съ лошадьми вытянулъ на берегъ уже народъ.

Когда всѣ успокоились, спасенныя хотѣли поблагодарить батюшку, но его уже ~~не~~ было.

Прихожанинъ М.

1916 года 14 марта.

Хуторъ Большой, Усть-Хоперской станицы, О. В. Д.

II.

Обновленіе храма.

27 декабря 1915 года въ Каменской Христорожественской церкви былъ совершенъ чинъ обновленія заново отремонтированного храма.

Послѣ ранней литургіи настоятель церкви, протоіерей Павелъ Успенскій обратился къ собравшимся въ большомъ количествѣ прихожанамъ съ словомъ. Поздравивши ихъ съ окончаніемъ работъ по возобновленію храма и, главнымъ образомъ, иконостаса, о. настоятель, развивая свою мысль о необходимости благоуукрашенія Святыхъ храмовъ Божіихъ, сдѣлалъ и нравственный урокъ о постоянномъ обновленіи внутренняго храма—душъ нашихъ, чтобы онѣ были также чисты, непорочны и сіяли бы добродѣтелями, какъ ярко сіяетъ блескомъ золота благоуукрашенный во славу Божію сей видимый иконостасъ. Въ концѣ слова о. настоятель указалъ, что главнымъ виновникомъ приведенія храма и иконостаса въ должное состояніе является церковный староста войсковой старшина Федоръ Петровичъ Кирѣевъ, которому и пригласилъ выразить благодарность.

Послѣ слова о. настоятель, вмѣстѣ съ членами причта, совершилъ освященіе воды и чинъ на обновленіе храма, а затѣмъ началась поздняя литургія.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, считаемъ благовременнымъ сказать нѣсколько словъ о дѣятельности церковнаго старосты Христорожественской церкви Каменской станицы.

Иконостасъ нашъ 30 лѣтъ (съ 1885 года) стоитъ безъ ремонта и въ послѣдніе 10 лѣтъ принялъ такой видъ, что требовалъ неотложнаго обновленія: позолота мѣстами стерлась, а мѣстами осыпалась, иконы закоптились и частью попортились. Неоднократно дѣлалась попытка освѣжить иконостасъ: то красили „тѣло“ его, то прочищали и промывали позолоту, но желанной цѣли не достигалось: иконостасъ все чернѣлъ и чернѣлъ и уже не служилъ украшеніемъ храма, а укоризненно свидѣтельствовалъ, по меньшей мѣрѣ, о безразличномъ отношеніи прихожанъ къ своему приходскому храму. Хотя многіе

изъ прихожанъ и поговаривали, что, молъ, нужно бы позолотить рѣзбу, нужно бы привести иконостасъ въ должный видъ, но средствъ не было и „разговоры“ и пожеланія такъ и оставались одними словами до самага поступленія на службу церковнаго старосты Феодора Петровича Кирѣва.

Ф. П., съ первыхъ же дней своей старостинской службы, заявилъ, что главной его задачей въ предстоящей дѣятельности будетъ возобновленіе иконостаса и что это онъ обязательно сдѣлаетъ; но такъ какъ и предшественники г. Кирѣва говорили тоже и такъ какъ при прежнихъ ктиторахъ Христорожественская церковь въ своемъ хозяйствѣ только-только сводила концы съ концами, а иногда имѣла и долги, то смѣлому заявленію Ф. П. какъ то не вѣрилось. Но когда было усмотрѣно, какъ Ф. П. ведетъ церковное хозяйство, какая во всемъ строгая система, планомѣрность, порядокъ и бережливость, доходящая до расчетливости, то въ концѣ-концовъ сомнѣніе и недовѣріе должно было уступить мѣсто надеждѣ увидѣть храмъ въ лучшемъ видѣ.

Ф. П., справедливо сознавая, что иконостасная позолота и живопись испортились и потускнѣли сравнительно за короткое время (25—30 л.) благодаря, главнымъ образомъ, печной копоти, сырости и т. п., прежде всего постарался устроить центральное водяное отопленіе изыскавъ на это 3500 р., а потомъ уже во второе трехлѣтіе приступилъ къ изысканію средствъ на позолоту иконостаса.

И старанія Ф. П. не остались тщетными. Его честность, усердіе и выдающаяся заботливость о ввѣренномъ ему храмѣ вполне заслужили среди прихожанъ довѣріе и расположеніе. Появились и довольно крупныя пожертвованія, каковыя съ церковными сбереженіями, собранными рачительнымъ старостою составили сумму, позволившую приступить къ обновленію храма и иконостаса, каковое и началось съ 20 іюня прошлаго 1915 года, а 20 декабря того же года благополучно закончено.

Кромѣ указаннаго Ф. П. много сдѣлалъ полезнаго для нашего храма: окрасилъ его снаружи масляными красками, провелъ элекрическое освѣщеніе, устроилъ хоры и многое другое. Въ общемъ за 6 лѣтъ службы своей Ф. П. изыскалъ, собралъ и израсходовалъ на благоуукрашеніе храма до 20000 р.

Выдающаяся дѣятельность Ф. П. отмѣчена Епархіальнымъ Начальствомъ—онъ къ 6 мая 1915 года ВЫСОЧАЙШЕ пожалованъ орденомъ Св. Анны 3-й степени.

Отъ души пожелаемъ Ф. П. силъ и здоровья на долгіе годы, чтобы онъ еще много, много лѣтъ потрудился на пользу храма.

Указанная дѣятельность г. Кирѣва съ очевидностью доказываетъ, что церковные старосты, при честномъ исполненіи обязанностей и при желаніи принести Св. храму пользу, всегда могутъ достигнуть желаемаго.

А все вышесказанное пусть послужитъ примѣромъ подражанія для многихъ церковныхъ старостъ епархіи.

Діаконъ Андрей Яковлевъ.

Ст. Каменская.

III.

ОТЧЕТЪ

о количествѣ собраннаго мѣднаго лома о.о. настоятелями церковей Романовскаго благочинія на нужды національной обороны по призыву Новочеркаскаго военно-промышленнаго Комитета.

По порученію о. Романовскаго благочиннаго священника Алексѣя Щербакова, который считаетъ своимъ долгомъ освѣдомить ввѣренное ему духовенство о количествѣ полученнаго нмъ собраннаго мѣднаго лома о.о. настоятелями этого благочинія и пересланнаго имъ въ Новочеркасскій военно-промышленный Комитетъ, я, какъ завѣдовавшій пріемомъ мѣди, упаковкой и отправкой ея, имѣю честь сообщить слѣдующія цифровыя данныя собранной мѣди.

Поступило:

Отъ игуменіи Амфіаны Бекреневскаго женскаго монастыря 2 пуда, (включая сюда 10 фун. старой мѣдной монеты).

Отъ церковей: хутора Потапова—8 пуд.; ст. Маринской—9 пуд.; хут. Большаго—2 пуд.; ст. Романовской—5 пуд.; ст. Камышевской—2 пуд.; хх. Дубенцева и Морозовскаго—18 фун.; хут. Солонago—2 пуд. 22 фун.; хут. Титова—30 фун. Отъ всѣхъ церковей благочинія мѣдной старой монеты 10 фунтовъ.

Итого . . . 32 пуда.

Новочеркасскій военно-промышленный Комитетъ, отъ 3 марта сего года, за № 2633, выражаетъ черезъ Романовскаго о. благочиннаго духовенству и жертвователямъ искреннюю благодарность за присланную мѣдь; при этомъ Комитетъ надѣется, что и въ будущемъ о.о. настоятели не откажутся принести свой трудъ на пользу дорогой намъ арміи.

Завѣдующій упаковкой и отправкой мѣднаго лома учитель Маринской ц.-пр. школы **Матвѣй Кузьменко.**

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Нашъ великій долгъ.

„Всякій рубль, идущій на войну, колючею проволокою преградить путь врагу, мѣткою пулею догонитъ его“.

Такими словами объявленія о военномъ займѣ напоминаютъ о его цѣли и значеніи.

Пусть глубоко сознаютъ русскіе люди, что одна купленная бумага этого займа въ пятьдесятъ рублей дастъ русскому солдату полное содержаніе въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, одна бумага въ сто рублей дастъ русскому войску нѣсколько винтовокъ, одна бумага той же стоимости дастъ нѣсколько шрапнелей, дастъ полностью денежное довольствіе русскому солдату за цѣлый годъ, одна бумага стоимостью въ тысячу рублей дастъ русской арміи сокрушающій врага пулеметъ. И чѣмъ больше будетъ приобрѣтено этихъ бумагъ русскими гражданами, тѣмъ больше будетъ на позиціи и хлѣба, и мяса, и ружей, и пулеметовъ, тѣмъ болѣе могучей стѣной сомкнутся боевые ряды нашихъ защитниковъ, защитниковъ Святой Руси, тѣмъ сильнѣе будетъ ими данъ отпоръ вѣроломнымъ нѣмцамъ, опозорившимъ себя неслыханными злодѣяніями, нарушающимъ всѣ законы мира и войны, разстрѣливающимъ санитарные поѣзда и взрывающимъ минами госпитальныя судна.

Весь міръ шлетъ имъ проклятія за насъ русскихъ; исторія заноситъ ихъ позорныя дѣянія на вѣчныя страницы свои, но на тѣхъ же страницахъ она подведетъ и итоги свѣтлыхъ подвиговъ всѣхъ тѣхъ, кто съ ними боролся, кто защищалъ культуру, миръ и справедливость отъ разрушительныхъ натисковъ зазнавагося и зарвавагося врага челоѳчества, кто поклялся не опускать оружія пока этотъ врагъ не будетъ окончательно сломленъ.

Весь міръ чутко прислушивается къ жизни Россіи, онъ видитъ подвиги русскаго воинства, молитъ Всевышняго о дарованіи ему скорой и славной побѣды, но въ-то же время зорко и напряженно вникаетъ и въ шумную, и въ мирную, и въ трудовую, и въ праздную жизнь тыла, подсчитываетъ его силы, подводитъ итоги его отзывчивости къ нуждамъ арміи, сравнивая, что сдѣлалъ тылъ—съ тѣмъ, что могъ бы сдѣлать, что онъ долженъ былъ бы сдѣлать.

Придетъ время—окончится война. Наша армія вернется вновь въ глубину своей Родины, туда, гдѣ покинуты ею родныя села, поля и избы; снова вольется въ родную среду русскаго народа. Но будутъ-ли попрежнему для нея родными и дорогими тѣ села, о которыхъ она узнаетъ что они не откликнулись на призывъ, прогремѣвшій надъ всею Русью, о помощи русской арміи въ самыя тяжелыя дни ея переживаній?

Будетъ-ли дорогъ для вернувшагося солдата его волостной сходъ, если онъ узнаетъ, что этотъ сходъ, хотя-бы въ складчину, не приобрѣлъ ни одного билета займа, выпущеннаго для нуждъ армій? Будетъ-ли дорогъ для вернувшагося героя его родной приходъ, если онъ узнаетъ, что въ православномъ храмѣ его села не звучала проповѣдь пастыря, призывающая его односельчанъ къ содѣйствію арміи? Будетъ-ли для него такъ-же близки и дороги его земляки, если узнаетъ онъ, вернувшись въ покинутую имъ деревню, что они безучастно пили, ѣли, спокойно спали въ то время, когда онъ подъ градомъ непріятельскихъ пуль, не имѣя патроновъ для отвѣта врагу, мерзъ въ глубокомъ окопѣ, если онъ узнаетъ, что эти земляки, слыша про это, не удѣлили ни одного рубля на тотъ заемъ, который для того только и выпущенъ въ народъ, чтобы не мерзъ въ окопахъ русскій солдатъ.

Чтобы не былъ безоружнымъ?

Нѣтъ, родная деревня не пробудить въ немъ тогда чувства прежней любви, онъ войдетъ въ нее одинокимъ, войдетъ съ горькимъ упрекомъ въ хаты своихъ земляковъ и эти упреки не осилить никакое забвеніе.

Эти упреки не заглушить ни какое оправданіе. Они будутъ изъ устъ въ уста передаваться однимъ поколѣніемъ другому, одной деревней другой. Пройдутъ многіе годы и далекое потомство этихъ безпечныхъ и неотзывчивыхъ людей будетъ краснѣть отъ стыда за своихъ дѣдовъ, про которыхъ вся округа будетъ говорить, что они опозорили Родину, что въ нихъ не было ни малѣйшаго чувства живого патриотизма, что они кощунственно входили въ православный храмъ, лживо молились о дарованіи побѣды рускому воинству, пренебрегли своей присягой, что они сами не сдѣлали ничего для тѣхъ, кто съ беззатвѣтной смѣлостью, проводя безсонныя ночи, сражался за ихъ мирный трудъ, за ихъ мирное благополучіе, за ихъ жизнь.

Да не будетъ такого села, да не будетъ такого прихода на всемъ пространствѣ широкой Руси!

Да гремитъ надъ всею Русью призывъ, о посильномъ частіи въ займѣ, и православныхъ пастырей, и народныхъ учителей, и городскихъ и земскихъ дѣятелей, и волостныхъ старшинъ: да найдетъ этотъ призывъ самый горячій отзывъ въ сердцахъ русскихъ людей!

Телеграммы приносятъ намъ со всѣхъ концовъ нашей Родины самыя отрадныя свѣдѣнія объ успѣхѣ займа. Подписываются на него и богатые и бѣдные люди, и крупные помѣщики и мелкіе арендаторы, и крупные фабриканты, и торговые люди и бережливые крестьяне, и рабочіе.

Не потому спѣшатъ рускіе люди подписаться на военный заемъ, что слишкомъ выгоденъ онъ для подписывающихся, не потому, что большіе и вѣрные проценты выдаетъ онъ пріобрѣтающимъ эти бумаги, не потому, что ихъ сбереженіямъ обезпечивается лучшая сохранность и прибыльный возвратъ, но потому, что бьется въ нихъ горячее русское сердце, потому что воистину любятъ они и свою Родину и своихъ братьевъ потому, что искренно желаютъ они побѣды рускому воинству, а себѣ и блага и доброй памяти.

Спѣшите же и вы, кто не подписался еще на заемъ, кто имѣеть и небольшія сбереженія, спѣшите принять посильное участіе въ великой, отечественной войнѣ.

Куйте русскіе мечи всесвѣтнаго правосудія!

Выполняйте вашъ великій долгъ.

„Минск. Е. В.“

●● По поводу процесса толстовцевъ протоіерей Восторговъ въ Моск. Е. Вѣдомостяхъ пишетъ:

Нельзя хоть нѣсколькими строками не отозваться на процессъ толстовцевъ. Онъ звучитъ, какъ пережитокъ и отголосокъ увлеченія части русскаго образованнаго общества идеями своеобразнаго пасифизма Толстого, а въ сущности анархизма,—какъ теперь это совершенно доказано собственноручнымъ письмомъ Толстого къ извѣстному Эльцбахеру, автору капитальнаго труда объ анархизмѣ. Правда, процессъ совершался при закрытыхъ дверяхъ, но и то правда, что интереса общественнаго по существу онъ не вызвалъ: было простое любопытство... И хорошо, что судъ не прибѣгъ къ строгимъ мѣрамъ кары. Это было бы искусственнымъ раздуваніемъ явленія, въ сущности уже отжившаго.

Толстовство, видимо, эволюціонировало. Это отмѣчаютъ всѣ органы печати. Теперешніе толстовцы, представшіе на судъ,—„больше христіане, чѣмъ самъ Толстой“: такъ говоритъ одна изъ лѣвыхъ газетъ. Мысль и вѣрная, и невѣрная; правильнѣе сказать, неудачно выраженная. Надо было сказать, что теперешніе толстовцы въ большей степени религіозные сектанты, чѣмъ Толстой, который былъ, чѣмъ хотите, но не религіознымъ учителемъ и тѣмъ болѣе не христіаниномъ: въ философіи—пантеистъ, что въ конечныхъ выводахъ все равно, что атеистъ, въ ученіи жизни—анархистъ. Толстой лично ненавидѣлъ Христа; Толстой грубо отзывался о Немъ—въ выраженіяхъ, которыхъ мы, благоговѣя предъ Христомъ, повторить не въ силахъ; Толстой изуродовалъ Его евангеліе; Толстой лично былъ жесткимъ человѣкомъ, полнымъ гордыни, мстительнымъ и озлобленнымъ въ борьбѣ, презрительнымъ къ противникамъ, глубоко двойст-

веннымъ въ жизни. Онъ говорилъ о любви только разсудочной теоретической, головной, но не сердечной. Его послѣдователи— выше его; они держатся за евангеліе, за его букву, не бранятъ Христа, отказались отъ анархизма, какъ политической теоріи, и съ прямолинейностью и узостью фанатиковъ-сектантовъ, стоя на буквѣ: *не убіи*, забывая все на свѣтѣ, сидятъ на своей теоріи. Они, конечно, отрицая судъ, право и государство, не написали бы духовнаго завѣщанія, какъ это сдѣлалъ Толстой, тѣмъ самымъ признавъ и судъ и право, и государство. Здѣсь удивительное явленіе и вмѣстѣ приговоръ Толстому и толстовщинѣ: первые послѣдователи учителя оказались выше, прямѣе послѣдовательнѣе и чище его. Явленіе невиданное въ исторіи религій!

Но и русское общество тоже эволюціонировало. Оно отрезвѣло, оно переросло бредни Толстого, подчасъ просто дѣтскія. Нѣмцы, которые очень ревниво охраняли Германію отъ идей Толстого и очень усердно способствовали насажденію ихъ въ Россіи, насъ многому научили горькими уроками. Мы уразумѣли теперь, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, что опредѣлять и разцѣнивать жизнь надо жизнью же и ея здоровымъ голосомъ.

Если у самого Толстого его пасифизмъ былъ только спутникомъ его анархистическаго ученія, совершенно непримѣнимаго къ жизни, то у его послѣдователей онъ является отвлеченнымъ благодушнымъ пожеланіемъ и наивною проповѣдью утвержденія утопическаго порядка, который не хочетъ считаться рѣшительно ни съ чѣмъ: для людей, живущихъ въ тѣлѣ, они рекомендуютъ жить только въ духѣ; для людей, физиологически назначенныхъ къ смѣшанной—мясной и растительной пищѣ,—они указываютъ пищу только растительную; для людей, живущихъ въ обществѣ, въ государствѣ, имѣющемъ свой неизбѣжный, такъ сказать, *odium* бытія, они указываютъ строй жизни, совершенно игнорирующій и общество и государство; для людей, имѣющихъ различіе національностей, государствъ, политическихъ отношеній, войнъ и столкновений, какъ *фактъ*, не отъ насъ зависящій, они указываютъ жить такъ, какъ-будто этого факта нѣтъ. Это равносильно проповѣди: не болѣть, не умирать, не ѣсть, не спать... Они живутъ не въ той жизни, какая есть, а въ той, какую имъ создаетъ ихъ воображеніе. Они забываютъ, что самое трудное и самое необходимое для человѣка опредѣлить себя, свое поведеніе въ *реальной* жизни, а не въ созданной отвлеченно, и поэтому химеричной.

Въ смыслѣ религиозномъ, они упреждаютъ образъ жизни небесной, будущей, о которой говоритъ и евангеліе, какъ именно о будущей (*въ воскресеніе не женится, не выходитъ замужъ, но какъ ангелы на небеси живутъ*) и желаютъ насадить ее на землѣ; мало того, они увѣряютъ, что она, эта небесная жизнь, уже есть на землѣ, и только она одна, а другой нѣтъ. И сверхъ того, они свои выводы въ сущности не рекомендуютъ, не пропагандируютъ только: они,—и въ этомъ еще остатокъ злобной нетерпимости и гордаго деспотизма ихъ учителя, Толстого—объявляютъ всякую иную жизнь грѣхомъ. Это теоретики, живущіе въ мірѣ иллюзорномъ.

Но слава Богу, наше общество уже переросло наивную философію мечтателей. Будь этотъ процессъ толстовцевъ десять лѣтъ тому назадъ, мы были бы свидѣтелями безконечныхъ волненій во имя спокойствія, насилій во имя непротивленія, злобы во имя любви—и войны, крови и террора во имя отрицанія войны: такъ именно проходили въ русской жизни всѣ попытки защиты Толстого...

Теперь мы можемъ съ глубокимъ чувствомъ удовлетворенія отмѣтить, что въ процесѣ толстовцевъ оказалась для насъ только историческая справка о бывшихъ нездоровыхъ увлеченіяхъ, только гальванизированіе того трупа, какой дѣйствительно уже представляетъ изъ себя пресловутый толстоизмъ, столь нашу мѣввшій въ свое время въ нашей жизни и столь намъ навредившій.

Мы въ процесѣ толстовцевъ теперь выслушали, припомнили, эту справку,—и мимо!

Протоіерей *І. Восторговъ*.

Къ канонизаціи бывшего митрополита Тобольскаго Павла.

Разъясненіе Св. Синода. На запросъ главнаго управленія по дѣламъ печати, можно-ли писать въ газетахъ о нетлѣнности тѣла митрополита Павла Тобольскаго, похороненнаго болѣе 150 лѣтъ назадъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, Св. Синодъ отвѣтилъ, что тѣло святителя Павла, митрополита Тобольскаго, похороненнаго въ Кіево-Печерской лаврѣ, въ особой пещерѣ болѣе 150 лѣтъ назадъ, дѣйствительно нетлѣнно, какъ нетлѣнны его и одежда, обувь и гробъ.

Святитель почиваетъ въ гробу, какъ-бы спящій. Видъ его лика и тѣла, облеченнаго въ святительское одѣяніе, производитъ такое впечатлѣніе, какъ-будто святитель упокоился нѣсколько дней или мѣсяць тому назадъ.

Писать объ этомъ фактѣ, безъ сомнѣнія можно,—заклю-
чаетъ св. Синодъ. „Кишин. Еп. В.“ № 12, 1916 г.

Содержаніе.

Крестъ Христовъ на войнѣ.— Отношеніе христіанства къ радостямъ земной жизни.— О необходимости пастырскихъ внѣ-богослужебныхъ собесѣдованій.— Письмо къ Донскимъ старообрядцамъ о единовѣріи.— Древность обряда колѣнопреклоненія.— Изъ приходской жизни.— Разныя извѣстія.

Редакторъ, преподаватель семинаріи Д. ГРАЦІАНСКІИ.

Печат. дозволяется. Цензоръ, протоіерей **Димитрій Смирновъ**.
Новочеркасскъ. Май. 1916 г.